

18+

Иван Першин

ЕГЛЕОП

Иван Першин

Еглеоп

«Издательские решения»

Першин И. С.

Еглеоп / И. С. Першин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986523-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Думают ли создатели, насколько справедливо устроен наш мир? Хотят ли они сделать его лучше? Или у них свои цели, и на смертных им совершенно плевать? А может всего понемногу? Тем более, что их много, и друг на друга они совершенно не похожи. Эта книга расскажет о нерахри — существах из иного пласта реальности. Тех, для кого переход энергии в материю не вопрос, а обыденность.

ISBN 978-5-44-986523-6

© Першин И. С.
© Издательские решения

Еглеоп

Иван Сергеевич Першин

© Иван Сергеевич Першин, 2020

ISBN 978-5-4498-6523-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Боль никак не хочет отступить. Ноющее пятно в правом боку с каждым шагом все сильнее напоминает о себе. Вечерняя прогулка оказалась не лучшей идеей.

Конечно фастфуд. Можно было и раньше догадаться, что ежедневная шаурма на обед не лучший вариант для желудка. А сегодняшнюю он готовил даже без перчаток. Новенький, совсем молоденький мальчик, по-русски толком не умеет разговаривать.

Промолчала, скандалить не захотела. Все детство в тайге ягоду ела немытую, никогда живот не болел. Конечно, у города другие болезни. Мечтала, стремилась сюда, а в итоге... На похороны к бабушке даже не смогла попасть. Экономила, откладывала...

Резкий щелчок в боку оборвал мысли, отправив девушку на тротуар.

Легко, чуть не вприпрыжку, женщина в белом халате следует к выходу из учреждения. С такими лицами выходят с работы в последний день перед отпуском. Или планируя отметить сегодняшнее повышение. Хотя и они вряд ли при этом насвистывают так, что высокий звук эхом летит по пустынным этажам как дым над водой.

– Маргарита Васильевна!

Молодой врач мчит по скользкому кафелю коридора, размахивая листком бумаги. Изящная рука, уже было потянувшаяся к дверной ручке, замерла на полпути.

– Маргарита Васильевна, хорошо, что догнал вас. – Запыхавшись, протягивает бланк, – Девушка. Полчаса назад потеряла сознание у нашего входа. Боль при пальпации, лейкоциты растут. Аппендицит.

Женщина кинула на формуляр мимолетный взгляд. На лице смесь удивления и снисходительности.

– Ну, хорошо, Стасик. Все верно, аппендицит. Хирургия в соседнем корпусе.

– Да я не о том. Подумал, может, вы знаете. Мы кровь на группу взяли. У нее антигенов не хватает, чтобы резус определить.

Беззаботность улетучивается с каждой просмотренной строчкой.

– Проверили?

– Дважды. Так ведь не бывает?

– Бывает. Готовь операционную на втором этаже, будешь ассистировать.

Врач застыл в растерянности.

– Но вы сами только что сказали, везти в хирургию. Мы же не можем...

– Готовь. Операционную.

Люди строили на века. Многотонным железобетоном наливали коробки, закатывая в асфальт все вокруг. Когда они ушли, сказав, здесь жизни нет, жизнь заново расцвела в привычных формах. Мягко разорвав битумную корку, вспучивая ее корнями, устремилась ввысь, перекрасив зеленью искусственную серость.

Впрочем, ряды пятиэтажных, в основном, брошенных зданий еще хорошо видно с крыши саркофага. Никому в здравом уме не придет в голову забраться сюда ради острых ощущений, но эти двое выбрали для разговора опаснейшее в мире место.

Тот, что повыше, сухопарый, с орлиным лицом, стоит чуть позади, рассматривая клонящееся к горизонту солнце сквозь растопыренные пальцы.

– Знаешь, если бы ты не сказал, я бы и не заметил. Но, да, определенно чувствительность чуть снижена.

– У тебя. Для них это, возможно, приговор.

Голос собеседника, усевшегося прямо на краю стометрового купола, тих, сквозь вой ветра его слов почти не слышно.

– Завидный гуманизм, Грегор. – Сухопарый пожал плечами. – Но ты крупно рискуешь, тебе запретят доступ. Не сомневайся, я был на твоём месте.

– Если я прав, изменения заметят сразу, утриллы есть у почти всех. Сколько времени им понадобится, чтобы признать мою правоту? Две недели? Месяц?

Сухопарый мелко рассмеялся.

– Унижение главы совета. Даже, если ты хочешь использовать меня ради того, чтобы вся власть оказалась у Мары, я не обижусь. Но, ты уверен, что это безопасно?

Грегор не поднимает головы, его взор устремлен куда-то вниз.

– Вполне. И дело не в Маре или совете. Никто не имеет права ограничивать целый вид.

– Имеет, не имеет, вопрос морали. – Разноцветные глаза на остром лице сверкнули, поймав солнечный луч, – Так что от меня будет нужно? Просто подкинуть Ю Лиану химеру?

– Любой материальный объект. Чем крупнее и сложнее, тем лучше.

– Это не проблема. Проблема только войти, Ю Лиан и ключ и замок одновременно.

– Не только он. Об этом я сам позабочусь.

Солнечные лучи светят прямо в глаза. Диск только оторвался от горизонта – часов шесть утра. Почему она в больничной палате?

Больница не из бюджетных. Отделка интерьера деревом гармонирует с пастелью стен, плазма на стене. Чистые тапочки рядом с гипертехнологичной кроватью.

– Проснулась, наконец.

Женщина на диванчике в углу. Лет тридцать или меньше. Каштановые волосы выются ниже плеч, гладкая кожа. Глаза. Зеленые, нереально яркие, смотрят из-под двойного ряда ресниц смесью ребенка и старца. От такого взгляда мужики, наверное, штабелями стелятся под ноги. Даже медхалат на ней сидит лучше, чем бренд на манекене. Что такая вообще делает в больнице, ей место на подиуме.

Мысли в голове слипаются, тело, словно выжали.

– Как я здесь очутилась?

Вроде, ничего не болит. Приподняться на подушке сил хватает.

– Сюда тебя прикатили из операционной, там ты оказалась из-за этого червячка.

Женщина протянула блестящую миску с десятисантиметровым отростком слепой кишки. Видела такой уже, статью на последнем курсе писала.

– Аппендикс?

– Он самый. Резать пришлось не откладывая. Помнишь, как сознание потеряла? – Женщина поймала растерянный взгляд, – Как тебя зовут, помнишь?

Воспоминания отказываются выстраиваться в четкую цепочку. Встретить бы того, кто придумал такими приложениями тело оснащать.

– Яна Мохова. Меня доктор, кажется, осматривал. Молодой такой. Потом...

– Не напрягайся, сейчас вредно. Но чисто технически операция прошла идеально, на ноги сможешь встать хоть сегодня.

Сегодня? Через неделю после такого должны выписывать.

Яна еще раз осмотрела палату. Интересно, сколько стоят сутки пребывания здесь.

– Это частная больница?

– А, нет. Это не совсем больница, институт гематологии. В этом-то и загвоздка. Я должна была вызвать скорую, вместо того, чтобы самой лезть внутрь. Но в пятницу вечером улицы настолько красные, что твой абсцесс мог и не дожидаться. Я решила, что клятва повелителю лошадей важнее инструкций.

Яна осторожно приподняла полу больничной рубашки. Тонкая полоска на смуглой коже выделяется только цветом.

– У вас золотые руки. Я точно не стану устраивать неприятности человеку, спасшему меня. Когда мне нужно уйти?

– Да когда захочешь. Одежда в шкафу, водичка в тумбочке. Есть тебе все равно нельзя ближайшие сутки. И, по крайней мере, следующие воздержись от твердой пищи. Повались, телек посмотри. И, да. Если кто-то зайдет, или будет спрашивать на выходе, ты здесь по указанию Маргариты Васильевны, вопросов не будет.

Жара уже неделю не дает ртутному столбику опуститься ниже отметки тридцать. Даже ночью. В транспорте удвоилось количество желающих похвастаться оголенными частями тел, вне зависимости от их волосатости или полноты. И человек в пальто должен вызывать как минимум удивление. По крайней мере, у охранника на входе. Но мужчина вошел в здание и проследовал по коридору не задержав на себе ни одного взгляда многочисленных сотрудников.

Дверь в кабинет открыл без стука, молча остановился перед сидящей за столом дамой.

– Грегор, какого хаоса так долго? Сказала же дело срочное.

Маргарита Васильевна встречает гостя в облегающем черном платье. Украшения, макияж, укладка. Когда все успевает?

– Рита, у тебя все дела срочные. Я просил подождать день.

Голос мужчины сух. На вид ему за сорок, про таких говорят: ладно скроен, да крепко сшит. Решительный подбородок на рубленном лице, зачесанные назад прямые русые волосы. Глубокие морщины вокруг рта говорят, улыбаться он любит. Но колючий прищур серых глазах сразу отбивает желание шутить.

– Чем бы ты там не занимался, бросай все не раздумывая. Я нашла золотую кровь!

– Сообщи совету.

– Да ты не понял, взрослая особь, двадцать два года. Если совет проморгал ее до совершеннолетия, – Маргарита Васильевна хитро прищурилась, – Никто не запрещает нам воспользоваться.

Безразличие на лице гостя сменяется заинтересованностью.

– Эяр, ведь, их использует для инициации?

В глазах Риты промелькнуло недоумение.

– Ну да, это тоже. Но, Грегор, золотая кровь. Ты же всегда хотел попробовать.

– Где она?

– Ночью удалила ей аппендицит. Как родной дочери. Два часа назад ушла здоровая, никуда обращаться не будет, я уверена.

Напряженные плечи дернулись вперед.

– Ты просто отпустила ее?

– А чего? – Рита поднялась из-за стола и подошла к гостю вплотную. – Приложи хоть немного усилий. Ты совсем отстраненный в последнее время, взбодришься.

Грегор, устало выдохнув, обнял Риту.

– Извини, это действительно хороший подарок. Наверное, меня одолевает скука.

Рита мягко провела пальцами вдоль старого, едва заметного шрама на брови Грегора.

– Скука всех нас грызет временами. А гении подвержены ей сильнее остальных, если не занимаются чем-то стоящим.

Заснеженный ледяной язык, нависший над краем окутанного испарениями озера, уже давно должен был рухнуть под собственной тяжестью. Нисколько этого не смущаясь, одетая в яркий комбинезон полярника пожилая женщина стоит у самой кромки. Она упорно всматривается в толщу воды, шевеля губами, считает пузыри газа, вырывающиеся на поверхность. Полуобернувшись, жестом подозвала двух одетых точно так же мужчин и протянула тому, что помоложе пригоршню кубиков, ярко-алого цвета, размером с полногтя. Мужчина, сильно размахнувшись, запустил их в сторону центра озера.

– Достаточно далеко?

– Без разницы. Теперь ждем.

Со звонким хрустом красная игла кристалла выстрелила из-под воды. Толщиной в руку, вверх метра три. Следующая, под другим углом и выше раза в полтора выросла в паре метров. Еще одна. Три сразу. Ветви, сталкиваясь, тут же сливаются в одну, продолжают расти вместе, образуя единый хаотичный узор.

– Вроде, этот цел. – Подал голос мужчина постарше.

Женщина указала пальцем на ближайший ствол. Тонкая трещинка, едва ли различимая для человеческого глаза, тревожной паутиной, сначала лениво, затем быстрее опутывает всю композицию. Покрывшись трещинами полностью, кристальный лес рухнул в воду.

– Уже третий, никаких случайностей. При худших раскладах может означать конец всего.

Мужчина помоложе сделал небольшой глоток из армейской фляжки.

– Всего Еглеопа?

– Возможно, не только.

– И какова вероятность?

– Нету никакой вероятности, Тобиас. – Второй мужчина отстранил протянутый сосуд, – Кристаллы просто собирают информацию и выдают наибольшие риски. Обычно, это одна, максимум две ветви. Сейчас весь лес.

– Что нам следует предпринять? Ограничить посещение Еглеопа?

– В данной ситуации любое действие должно быть обдуманно несколько раз. – Женщина развернулась лицом к спутникам, – Мы все являемся частью обработанных данных. Нет гарантии, что именно наши действия не запустят цепочку событий.

Тобиас недовольно нахмурился.

– Я не ставлю под сомнение твой опыт предсказаний, Минамус, но это означает сидеть без дела.

– Не без дела, а наблюдать. – В голос второго мужчины врезались властные нотки. – Собрание через четыре месяца. Никаких резких действий до него, самое страшное – разногласия внутри. И заморозь конфликты в Еглеопе, насколько это возможно.

Губы Тобиаса нервно дрогнули, но он тут же взял себя в руки.

– Как скажете, глава Эяр.

На летней веранде крошечного ресторанчика с видом на костел, всего три стола. В меню четыре сорта из домашней пивоварни, пара оригинальных рецептов от хозяйки, остальное – привычные названия эпохи глобализма.

Высокая, стройная, с острыми монголоидными скулами и длинными черными волосами, девушка допивает свой латте. Она уже трижды отвергала предложение присоединиться от сидящей за соседним столиком компании британских туристов. Ее левый глаз следит за подъезжающим желтым автомобилем, правый, давно переставший видеть, неподвижен.

С заказчиком должна была встретиться только завтра, что за спешка? Позвонил, перенес. Охота ему самому тащиться два часа из города?

Кажется, он. Прямая спина, пружинящая походка. К ее столику направляется. Покосился на соседей – сразу притихли, с таким спорить не хочется. Не в костюме, стоимостью как этот ресторанчик, дело. Так дедушка входил к людям. Шамана чувствовали.

– Госпожа Мохова?

По-русски говорит совсем без акцента.

– А вы, Господин Заммер?

Девушка встала, протягивая руку.

– Просто Грегор. Мне так привычнее.

Мозолистая ладонь больше подошла бы простому рабочему в его компании.

– Тогда просто Яна.

Заммер окинул взглядом интерьер, усаживаясь за стол.

– У вас весьма скромный вкус, Яна.

– Я осматривала церковь, когда вы позвонили. Кроме этого кафе ничего подходящего здесь не нашла.

– Прошу простить меня за спешку, послезавтра нужно улетать. – Заммер задумчиво посмотрел через плечо, – Весьма любопытное место. Убранство из черепов и костей в христианском храме. Вас не смутила, хм, некоторая неканоничность такого упокоения останков?

– Я не принадлежу к христианской религии. С эстетической точки зрения понравилось, костел ни на что не похож.

И вообще не твое дело, что меня смущает, а что нет.

– Эстетика и оригинальность. На них и стоит обратить внимание. – Заммер, уловив недовольные нотки, перешел к делу. – Здесь, в Праге, достаточно неплохо обстоят дела с использованием подвалов как коммерческих помещений. В ваших Москве и Санкт-Петербурге в целом тоже, но наша компания хочет выйти на совершенно другой уровень. Торговые центры, связанные пешеходными улицами, офисы компаний. По сути, единый огромный этаж под центром города с множеством входов. Это значительно разгрузит поверхность, города задыхаются.

Застройщик-энтузиаст. Денег, наверное, как у правительства небольшой страны.

– Мне сложно даже представить такой масштаб. И затраты.

– Не такие уж и грандиозные, завтра сами увидите. Общественное мнение – вот что сейчас заботит сильнее всего. Людям нужно много раз повторить, прежде чем они поверят, что нововведения безопасны.

Поверят. Особенно, когда их дома начнут проваливаться под землю.

– А они безопасны?

– Сами убедитесь. Я не прошу вас врать, я хочу, чтобы вы подали правду под определенным углом. Расскажите людям то, что видели своими глазами, покажете, как все менялось. Вы ведь не против посетить Прагу еще несколько раз?

Против? С такими-то гонорами.

– Нет, совсем нет. Но почему вы так уверены, что я справлюсь?

– Я читал ваши статьи. Хлесткие, уверенные. Мне нужен журналист с известной степенью принципиальности.

– А если принципиальность помешает написать то, что вам нужно?

– Полагаю, мне удастся завтра вас убедить. Если, конечно, вы привыкли верить своим глазам.

Не майорское утро. Вызвали ни свет ни заря и в каптерку сразу засунули. Как проштрафившегося срочника. Сиди и жди, когда про тебя вспомнят соизволят. Два часа морозят, самому уже тошно от перегара и догнивающих между зубов остатков завтрака.

Что за член комиссии такой, с утра поставил на уши весь объект, как будто без него здесь головняков мало. Нарушителя, блин, ищут. Он-то причем, начальника караула и тягали бы.

Худощавый брюнет в гражданском ввалился поперед генерала. Напротив плюхнулся, пепельницу на край стола отшвырнул, даром что, с сапогами на стол не залез.

– Как он сюда попал?

И спрашивает на мове агрессора. К словам бы прицепиться, да случай не тот.

Майор Полторай покосился на генерала, тот застыл истуканом, как будто его происходящее вовсе и не касается.

– Не могу знать. С крыши просто спустился. В этот раз.

Брюнет подался вперед, чуть не ткнувшись носом в лицо собеседника.

– Что. Значит. В этот раз?

Кислая слюна предательски застряла в гортани. Прокашляться бы, но не в лицо же ему.

– Он был здесь уже. Пять или шесть раз.

– И каждый раз спускался в бассейн?

Майор наморщил лоб, пытаясь вспомнить.

– Только в этот.

– Раньше почему не сообщили?

– Он. – Полторай вцепился в сидение стула, пытаясь удержать обмякающее тело, – Он говорил, никому не рассказывать.

– Так. Этого забираем с собой. – И добавил тише, – Какого хаоса тебе тут понадобилось, Грегор?

Часы старой ратуши, плотно прижавшейся к жилым домам на углу площади, говорят, пришла она на десять минут раньше. Заммер уже у входа, подкармливает голубей хлебным мякишем.

– Я читала, по местным законам кормить птиц запрещено.

– Местные сказали, что уже выразили мнение по поводу этого закона. Прямо с верхушки башни. – Заммер кинул птицам остатки горбушки, – Идемте внутрь?

Небольшая дощатая дверь, справа от резного портала входа, ведет в самую старую Прагу, подземную. Лестница, кирпичная кладка сменяется каменной, еще лестница, арка, и вот уже тяжелые своды смыкаются над древней подземной улицей.

– Да тут целый квартал.

Освещенный ярким электричеством, тоннель расходится в обе стороны на десятки метров.

– Скорее город. Не меньше старого на поверхности. – Грегор коснулся стены из красного кирпича, выглядывающего сквозь слой грубой штукатурки. – Во время последней войны здесь была база сопротивления, на эти стены пролилось немало крови.

Заммер уверенно двинулся вглубь подземного лабиринта из узких улочек, Яна поторопилась за ним.

Налево. Два перекрестка, направо. Старая привычка запоминать дорогу.

Шаги Заммера гулко отдаются от мощеной булыжником мостовой. Куда он так торопится, вечно эти богатеи спешат, пропуская всю красоту мимо глаз.

– Это все когда-то было улицами города?

– Да, согласно легенде в тринадцатом веке жители устали от того, что Влтава постоянно их подтапливает, и подняли улицы на семь метров. Сложно, конечно, представить, что двигало людьми, закапывающими весь город, вместо того, чтобы построить дамбу. Я как-то пробовал подсчитать объем грунта, вышло около десяти миллионов кубометров. – Грегор свернул на очередном перекрестке, – Без пустот и подвалов будет поменьше, но все равно цифры за пределами для ручного труда.

Узкая улочка сменилась почти проспектом.

– Если бы наше правительство решило закопать центр Москвы на семь метров, получило бы революцию. А официальная история что говорит?

– Официальная ссылается на легенду.

Еще пара поворотов, и Грегор остановился на перекрестке с крепью в центре.

– Ну что, сможете написать о том, что все стоит уже почти тысячу лет и не обрушивается?

Яна задрала голову, пытаясь разглядеть, тонушие во мраке своды.

– Смогу. Но если вы загоните сюда бульдозеры, я вряд ли буду молчать.

– Идет. – Грегор заговорщически прищурился, – Хотите увидеть то, о чем пока писать нельзя?

– Проблемные места?

– Тайную комнату.

Заммер с легкостью сдвинул вбок часть стены, оказавшейся декоративной панелью. Неровный пролом в каменной кладке оказался достаточно большим, чтобы пройти не нагибаясь.

– Мы обнаружили ее год назад, но не нашли даже упоминаний о том, что же тут было.

Грегор щелкнул выключателем, мощные светодиодные прожекторы осветили длинный зал. Яна осторожно ступила на мозаичную плитку пола.

Словно вчера уложена. Даже пыли нет. Статуи на вид совсем не поедены временем. Уже реставрируют? Выщербленная временем штукатурка и здесь местами обнажает кладку стен из красного кирпича. До них, видимо, добраться не успели.

Два ряда мраморных скульптур вытянутыми руками сливаются в анфиладу, ведущую к каменному трону с подлокотниками в виде закрученных в спирали змей.

Интересно, чьи ягоды его полировали?

– Ничего себе, тайная комната. Это же мечта любого археолога.

– Мечта любого археолога – утащить все это к себе в музей. А мы планируем сберечь достояние предков для жителей города. Устроив музей прямо здесь.

– Благородная идея. Туристическая привлекательность здесь, конечно, не при чем.

Заммер хмыкнул.

– Быстро схватываете. Хотите, сфотографирую вас на троне? В момент, когда все только узнают о находке, у вас уже будет готовая обложка для журнала.

Яна окинула взглядом древние барельефы над тронном.

– Не устою перед соблазном. Тут даже освещение выставлено как будто специально для фотосессии.

Девушка осторожно уселась на артефакте.

Холодный. Как на таком жестком только дни просиживали.

– Просуньте руки в подлокотники, не стесняйтесь. А теперь скажите...

Фраза на непонятном языке, совсем не похожа на сыр. Загробные интонации тоже не по случаю. Шутка? Чем он собирается фотографировать?

Подлокотники, ядовито зашипев, ожили. Каменные кольца наждаком обвили тонкие руки, клыки, царапая кожу, поползли по предплечьям. Яна дернулась вперед, змеи сжались чуть сильнее.

Что за фокусы?

Клыки синхронно впились в запястья. Боль, разноцветная, пронзительная, прилетела в мозг из всех клеток сразу. В груди защемило, потребовалось усилие, чтобы сделать вдох.

Она закричала, сама не понимая, что за мощь плывет по позвоночнику. Пронзительность младенца и тягучесть шамана слились в гортани. Оковы ответили гранитным треском, брызнули осколки, тяжелая каменная голова угодила в висок нерасторопному Заммеру.

Свобода. Бежать, пока он валяется без сознания. Перекресток, налево.

Может, мертв? Черт с ним, пусть полиция разбирается. Направо.
Что вообще произошло? Потом, главное – наружу. Тупик, назад.
Лестница. Наверх, скорее.

Месса только началась входным песнопением, когда непонятно откуда выскочившая девушка начала вопить на весь храм. Из сбивчивой речи на смеси русского и английского прихожане поняли, нужно вызывать полицию.

Они успели привлечь к себе внимание когда парковались. Потому что в этих местах любой трейлер становится главной темой за месяц до последнего августовского понедельника. Покупка, аренда. Возможность составить компанию. А мимо новинки немецкого автогиганта равнодушно может пройти только незрячий.

Но за столиком забегаловки никто и не думает их беспокоить. Косятя, перешептываются и сразу отводят глаза.

Парочка, еще не вышедшая из пубертата, устроилась в углу.

Рыжая девочка, лицо в веснушках, слова макияж и педикюр для нее – абстрактные понятия. Растянутый топ провисает до середины неоформившейся груди, из-под коротких джинсовых шортиков торчат углы мослов.

Астеник с мелированным ежиком на голове сильно недоволен отсутствием розетки у столика. Желтоватая кожа и узкий разрез глаз выдают в нем наследника самураев. Что бы они сказали по поводу его кричащего всеми цветами радуги комбинезона?

– Провода, провода, какой вообще смысл их использовать? Вай фай пожалуйста, для электричества надо обязательно куда-то втыкаться. Я помню, как трамваи без проводов ходили.

– Подожди лет десять, придешь сюда, уже будет беспроводное.

– Иногда я думаю, что лучше так и сделать. Фуго затеял крайне рискованную игру.

– Зато и призы в ней соответствующие. Мы останемся здесь только вдвоем. Никаких запретов. Ни совета, ни Мары.

Парень, неопределенно хмыкнув, достал из нагрудного кармана плоскую фляжку. Никто из окружающих и не подумал поинтересоваться, законно ли употребление содержимого. Следлав внушительный глоток, протянул подруге. Та, отрицательно качнув головой, показала на дверь.

– Сенсей пожаловал.

Мужчина с орлиным лицом у входа брезгливо осмотрел заведение. Покосился на музыкальный автомат, изрыгающий вечную песню о неразделенной любви, в интерпретации слащавого голоска с ограниченным словарным запасом. Перевел взгляд на ближайший к аппарату столик.

Один из оккупировавших стол байкеров, не вставая, просунул монетку в прорезь, меняя композицию.

– Ты теперь слушаешь классику, Гарри?

Шутка, несмотря на остроту и оригинальность, вызвала у соседней смех.

– Задолбало.

Буркнул что-то еще под нос и вернулся к недопитому пиву.

Остроносый, закрыв глаза, уверенно двинулся к столику в углу, слегка покачивая головой в такт музыке.

– Можно было и поскромнее что-нибудь выбрать. Привлекаете внимание.

Усевшись рядом с девчушкой, он все еще не раскрывает глаз. Парень отглотнул из фляжки еще раз.

– Какой смысл торчать в Еглеопе и не пользоваться комфортом?

– Иногда можно и пострадать. Иногда, даже нужно. В данный момент совет следит за всеми, пока негласно.

Девчушка, нервно постукивая пальцами по столу, вглядывается сквозь неподвижную маску мужчины.

– Если твой план провалится, мы вряд ли отделаемся ограничением посещения.

– А если удастся, – Веки поднялись, открыв разноцветные глаза, – вам решать, кому и когда сюда приходиться.

Уже третий офицер, пытавшийся выяснить, что же случилось с туристкой, удалился в ожидании переводчика. Следы на руках совершенно нетипичны, а каменные змеи в показаниях, скорее всего, какой-то русский эвфемизм.

В просторном помещении, разделенном невысокими, метра в полтора перегородками спокойно. За соседним столом карманник рассказывает, что увидел случайно выпавший кошелек и пытался вернуть его владельцу. Позади еле слышен разговор двух полицейских. Какой-то психопат пытался устроить поджог в отеле.

Что ж за день. Или вся жизнь у нее такая? Первый раз судьба решила сделать подарок: работа мечты – пиши про древности да туризм. Никакой тебе политической заказухи, пиара тупых любовниц местячковых депутатов, пустых обзоров тусовки. Платят как утренней голове в ящике.

Хорошо если не обвинят ни в чем. Этот Заммер, наверное, крупная шишка. Или шаман чертей. Дедушка про них только длинным летним днем рассказывал.

– Как ты это сделала?

Его голос. Сзади. Свежая ссадина на лбу. Заммер.

– Это он, этот человек пытался меня похитить.

Девушка вскочила, указывая на Грегора.

Десяток полицейских и полдюжины посетителей взволнованно посмотрели в ее сторону, но тут же вернулись к своим делам.

Какого черта?

– Не стоит кричать, они тебе не помогут.

Ага, сейчас.

Яна завизжала во всю мощь.

Почему все их игнорируют? Пялятся в свои бумажки, как будто ничего не происходит. Все-таки розыгрыш?

– Кто вы такой? Что вообще происходит?

Да не могут они не обращать внимания. Она же кричит.

– Я бы хотел спросить тебя то же самое.

– Хотите сказать, не знали, что меня покусает ваш чертов трон?

– Он определенно не должен был рассыпаться, – Грегор покосился на следы укусов, – Дай мне свои руки.

Яна инстинктивно спрятала руки за спину.

– Я не собираюсь до вас дотрагиваться.

– Протяни. Вперед. Свои. Руки.

Странное эхо в голове от его слов. Ладони сами поднимаются. Нет, надо бежать. Отчего ноги не слушаются, беги, дура, он же тебя сейчас схватит и...

Не схватил. Просто держит ладони поверх запястий. Противный зуд уходит, красные пятна на коже слегка потускнели.

– Так лучше?

Колдун. Точно. Так просто не сбежишь. Выбрать момент и валить прямо на место силы, просить помощи у духов. Чего ему вообще нужно?

– Нет смысла разговаривать здесь. Давай где-нибудь присядем. Рядом, напротив, выбери сама.

Мысли читает? Ладно, сама, так сама, не мог же он целый город одурманить.

Яркое солнце на выходе больно ударило по глазам. Девушка дважды громко чихнула. Покосилась на клумбу с кустарником.

– Это не пыльца. – Заммер проигнорировал вопрошающий взгляд. – Оттуда, вроде, пахнет вкусно.

Колдун показывает на заведение рядом. Нет уж, предложил выбрать, пойдем в то, что напротив.

Яна заняла место у окна, так их видно с улицы. Может, и полицейские отойдут, заметят ее.

– Чихание – реакция на яркий свет, – продолжил Грегор, усаживаясь за столик. – Скоро пройдет.

– Я чем-то заражена?

– Я бы сказал, твоя ДНК чуть перестроилась. Отпечатки пальцев обязательно изменятся. Кости должны чуть уплотниться, ничего страшного, наоборот, надежнее. Больше никаких внешних изменений.

– А внутри?

Что значит, ДНК перестроилась? Я что теперь, на луну по ночам выть буду?

– Смотря, что под этим понимать. Если ты про внутренние органы, то с ними все в порядке. В большем, чем до инициации.

Инициации? Про змей своих говорит. Раз нельзя сбежать, надо попытаться поговорить.

– У вас какое-то сообщество? Орден?

Ни тени в глазах. Дружелюбие бесполезно?

Заммер, вместо ответа, достал из кармана футляр. Внутри темно-синяя призма, высотой с ладонь, ребро в два пальца.

Возьми. Эхом стучится в сознание.

Взять?

– Возьми кристалл.

Не зли колдуна, бери. Теплый. Светится изнутри. Сапфир?

– Работает. – Грегор удовлетворенно откинулся на спинку. – Предвосхищая твои вопросы, мне нужно чтобы ты вставила кристалл в ячейку. Я заплачу. Дальше, следуй своим путем.

Он рассчитывает, что я поверю в эту чушь? Столько шума только для того, чтобы вставить что-то куда-то? Я что, особенная?

Последняя фраза вырвалась вслух.

– Можешь считать себя. В каком-то смысле, так и есть. Но мне от тебя нужна одна простая манипуляция и сутки твоего времени. Гонорар от статьи твой, можешь не писать. Я доплачу.

– А если я откажусь?

Не разозлился. Смотрит как на идиотку.

– Какой. В этом. Смысл. Откуда у тебя вообще такая высокая толерантность к внушению?

Высокая? Вертит, как хочет. Удав.

– Почему вы тогда просто не можете вставить его сами? Или заставить кого-то с низкой... толерантностью.

Задумался. Сейчас соврет.

– Золотая кровь. У твоей крови нет резус-фактора, это код для инициации. В конце что-то пошло не так, но не важно. Кристалл идентифицирует тебя как хозяина.

Нет резуса? У меня... а действительно, какой у меня резус? В детстве дедушка запрещал сдавать кровь вообще. Потом, вроде, и не к чему было, пока... Аппендицит. Странная доктор, никаких бланков, совсем не болит.

Соглашаться? А что еще остается. Явно же психопат.

– Хорошо. Я вставлю это в вашу ячейку, и вы меня отпустите?

Улыбнулся. Довольный колдун лучше злого.

– Именно. Ячейка в Швейцарии, мы вылетаем в 23:25. Я компенсирую потраченное время.

Аэропорт. Много народа, служба безопасности, повсюду камеры, лучше места не придумать. Главное, чтоб до вечера на органы не пустил. Или чего ему там на самом деле нужно.

За окном пошел дождь. Небольшой, радиусом в полтора метра поток с неба пролился на тротуар. Вся остальная улица по-прежнему иссушается солнцем, прохожие обходят стороной, как будто, так и надо.

Заммер колдует? На вход уставился. Чего он там увидел?

Худощавый брюнет с орлиным лицом уверенно подошел к их столику. Вязким взглядом гетерохроматичных глаз прошелся по Яне, и, пряча удивление, повернулся к Замеру.

Странно, от него веет чем-то родным, неуловимо знакомым. Хочется кинуться к нему на шею, попросить забрать отсюда.

Колдовские штучки. У кого еще может один глаз быть ярко-синим, а другой фиолетовым?

– Они уже в отеле. – Вошедший не пытается присесть. – Получилось даже лучше, чем ты просил, почти фотографическое сходство без грима.

– Спасибо Фуго. Кстати, сегодня в Цюрихе большой бокс.

– Варварское развлечение.

– Sign of wind будут с новым синглом перед боем.

– Неплохой вокал, посредственная музыка.

– У них новая скрипка. Выступала в Миланской Опере.

– Ларси, знаю, ничего особенного. Грегор, в Цюрихе есть что-то важное?

– Не то чтобы важное, но если бы ты намекнул нашему гномьему королю, что я готовлюсь шикарно разыграть Тобиаса, то...

– Хорошо Грегор, не нужно деталей. Я снизойду до Sign of wind, вообще-то в них что-то есть. Еще что-нибудь?

– Знаешь какого-нибудь плохиша поблизости, который хранит дома крупные суммы?

Остроносый отвечает не задумываясь. Что за тень в глазах? Торжество?

– Михал Сокуп, управляет всей местной контрабандой, три квартала отсюда. Тебе нужна крупная сумма быстро? Я могу принести.

– Не стоит утруждать себя, Фуго, ты и так много для меня делаешь. Контрабандист очень даже подойдет. Я прогуляюсь, нужно чем-то заняться до вылета.

Фуго утвердительно кивнул. Покосившись на девушку еще раз, добавил.

– Тобиас следит за тобой. Негласно, с помощью спецслужб.

– Не сомневаюсь. Тобиас всегда все делает как надо.

В круглом зале, похожем на естественный грот, ни одной лампочки. Нет светодиодов, газовых ламп, факелов, окон. Аквамариновые стены подсвечиваются изнутри, веер апатитовых скамеек добавляет свои отблески.

В центре, сидя прямо на полу, двое увлечены непонятной игрой. По очереди кидают красные кристаллики на выложенное мозаикой черное солнце. Подолгу изучают переливы света на стенах после каждого броска.

Атлетичный мужчина, лет пятидесяти на вид, с густой вьющейся бородой временами бросает вопрошающие взгляды на партнершу. Жилки на его тронутых сединой висках напряженно пульсируют, грозные брови постоянно сведены к переносице.

Морщинистая женщина, почти старуха, отвечает либо утвердительно, либо отрицательным кивком. Ее движения и жесты легки, а в задорных лазах ни тени усталости.

Беззвучно распахнув тяжелую шестиметровую, зачем вообще люди такие делают, дверь, вошел третий.

Он молод, едва ли достиг тридцати пяти. Прямая выправка, широкий чеканный шаг. Светлые волосы по плечи, устремленный вперед взгляд серо-голубых глаз.

Вошедший остановился в паре метров от игроков.

– Грегор нашел ключ.

– Ключ к чему?

– Девушку с RHNUL. Инициировал ее, разломав при этом священный трон в Праге.

Бородач, выпустив кристаллы из ладони, поднял удивленное лицо.

– Нарушил запрет?

– Технически не нарушил. Совершеннолетняя, без печати совета. Мы ее проглядели.

– Попроси Гедеона понаблюдать.

– Я уже дал указания Гедеону. Грегора стоит предостеречь от необдуманных действий, в связи с тревожными предсказаниями.

– В связи с предсказаниями стоит как можно меньше упоминать о них, Тобиас. – Женщина поднялась с пола. – Если бы он похитил ключ, принадлежащий совету, это было бы нарушением запрета. А трон этот был священным несколько веков назад, и то лишь для людей.

Тобиас недовольно нахмурился.

– Это почти нарушение запрета, Минамус.

– Мы говорим о Грегоре, всеобщем любимчике. Он постоянно ходит по грани, никогда не заступая. Сколько его помню, дразнит совет, даже не пытаюсь в него войти. Ты считаешь, в связи с тревожными, – Минамус поставила акцент на последнем слове, – предсказаниями, мешать деятельности Геня физики, без формальных причин – это хорошая идея?

– Из всего, происходящего сейчас в Еглеопе, действия Грегора выглядят наиболее подозрительно.

Тобиас продолжает настаивать. Уже менее уверенно.

– Опасность того, что ты запустишь пророчество, препятствуя Грегору, не меньше, чем от его действий. – Менторским тоном ответила старуха, – Эяр прав, стоит ограничиться наблюдением.

– Он закрыл каналы связи. Это усложняет задачу.

– В твоих руках есть и другие инструменты. Кажется, человеческие методы слежения сильно продвинулись за последние годы?

Тобиас переводит взгляд с одной на другого. Недоволен. Но не возражает. Молча развернулся, стук его сапог эхом покотился к потолку.

– Любопытный поворот. – Эяр задумчиво посмотрел на хлопнувшую дверь. – Грегор может быть причиной?

– Надеюсь, что нет. Ты всегда можешь просто выдернуть его из Еглеопа.

– Еще лучше. Глава совета, следящего за соблюдением законов, нарушает запреты.

– Но глава позволит нарушить Геню войны?

– Тобиас сам решает, что ему делать в критической ситуации.

Эяр вернулся к кристаллам, давай понять, что тема закрыта.

– Ты злоупотребляешь преданностью ученика.

Мускулистая рука сделала очередной бросок. Эяр кивнул на всполохи, пробежавшие по стене.

Сделка закрыта. Наконец-то последний грузовик покинул страну. Две недели, пока груз лежал на складе, он сидел в забытой норе вшивых предместий. Он знал, что работает на проклятые русские спецслужбы. Слишком большой груз, слишком явный способ доставки, слишком много разных слишком.

Почти все его перевозки были горячими, чего только стоил контейнер под завязку набитый героином с американской базы в Албании. Но эти русские превзошли всех в наглости и размахе. Сто сорок тонн в одиннадцати контейнерах, хорошо хоть счетчик Гейгера не реагировал. Одиннадцать европейских столиц как пункты назначения.

Михал был уверен, что замешана крупная политика, и дело обязательно обернется катастрофой для него лично. Но утром деньги поступили на счет, и весь день тихо. С таким кушем можно прямо сейчас уйти на пенсию, если бы не специфика профессии.

Привычный пентхаус и пара бокалов бренди успели настроиться на благодушный лад, когда в комнату в сопровождении равнодушного охранника вошли двое. Их лиц Михал разглядеть не успел.

– Видишь, нам все рады.

Заммер прошел в номер, приглашая ее следовать за собой.

– Там же камеры повсюду.

Безумие какое-то. Что ни потребует, все вокруг подчиняются без вопросов.

– Поверь мне, на камерах ничего не будет. Небольшой технический сбой. Ты Михал?

Человек на диване механически кивнул.

– Михал, будь любезен, открой нам свой сейф, или где ты там хранишь деньги.

Контрабандист буднично сдвинув панель в стене, набрал нужную комбинацию. Заммер, окинув ровные стопки за бронированной дверцей, удовлетворенно хмыкнул.

– Думаю, достаточно.

Выкинув из обнаруженного под столом чемодана бумаги, Грегор принялся аккуратно укладывать в него зеленые пачки. Две последние, мешающие кейсу закрыться, швырнул назад.

– Навскидку, здесь около шестиста тысяч. Это твой гонорар, Яна Мохова.

Гонорар? Это бюджет редакции.

– Я... мне не нужно...

Нельзя брать у колдуна. Вовек не расплатишься.

– Ты. Возьмешь. Деньги.

Опять это эхо. Дури других, колдун, со мной не сработает.

– Они удержат тебя от попыток оказаться в лечебнице, с рассказами о загадочном гипнотизере. Тебе понравится ощущение полного кармана.

Бугай вышел из смежной комнаты совершенно бесшумно, пистолет в его руке оказался раньше, чем Грегор успел обернуться. Заммер медленно, раскачиваясь, словно факир, поднялся с корточек.

– Ты не можешь выстрелить в меня. – Загробный голос способен нагнать жути, – Это и не нужно, я не опасен, просто опусти оружие.

Охранник неуверенно, словно борясь с собой, направил ствол вниз. Грегор, не переставая раскачиваться, двинулся навстречу. Шаг. Еще. Резкий удар первыми фалангами большого и указательного пальцев в трахею отозвался сдавленным хрипом, обмякшее тело рухнуло на пол.

– Дальтоник попался.

Колдун даже бровью не повел. Как комара прихлопнул.

– Вы что убили его?

– Вербальное воздействие крайне ненадежно. Он дальтоник, а не слепой, вполне мог потом вспомнить твое лицо.

– Но вы. Только что. Убили человека.

Грегор со вздохом присел над головой убитого и приложил ладони к его вискам.

– Карл Кукал. Тридцать шесть лет. Работает на Сокупа... – Заммер убрал руки с черепа, – Он всю жизнь работал на Сокупа. На нем шестнадцать трупов, ты совершенно напрасно собираешься переживать из-за его смерти. И ты возьмешь эти деньги. Если захочешь, можешь потом потратить все на благотворительность. Но сначала мы закончим мое дело.

Тяжелые морские волны разбиваются о высокий скалистый берег. Даже во время шторма их брызги не в силах достать до бескрайней зелени усыпанных вереском местных полей. Экологический рай современного мира, не знающий ни знойной жары, ни лютых холодов. Вечная весна на острове.

Темнокожий бритоголовый мужчина сидит прямо над обрывом. Он похож на игрока дримтим НБА или того героя боевиков, кто на складе с оружием всегда хватает самый большой пулемет. Рельефные бугры мышц не спрятать под дорогой тканью делового костюма, мощь этого тела сама рвется наружу.

Второй, светловолосый, широким шагом приближается к берегу.

– Здравствуй, Тобиас, рад тебя видеть.

Великан приветствует не оборачиваясь.

– Здравствуй, Момо. Странный выбор места для встречи.

– А что с ним не так? Безлюдно.

– Долго добираться. Чего ты вообще забыл в этой глуши?

– Отпуск. Заряжаюсь эмоциями.

– Здесь?

– Вон в том городке, – Момо махнул в сторону поселка, виднеющегося в отдалении, – представляешь, у них темнокожих никогда не было даже проездом, а тут целый я неделю мозолю глаза.

– Тебя здесь все любят?

– О, да. Когда я иду по улице или захожу в магазин, они делают вид, что я совершенно не интересен. Но когда вечером иду пить в паб и начинаю флиртовать с девчонками... Тобиас, какими глазами они на меня смотрят. И все предупреждены, что гостя трогать нельзя. Полиция, пожарные, даже школьные учителя детей предупредили. Я американский дипломат и вообще важная шишка.

– Дипломат? Момо, ты похож на наркодиллера.

– На кого им сказали, на того и похож. Зачем ты хотел встретиться?

– Грегор. Его действия в последнее время настораживают.

– Тогда ты не по адресу, мы с ним давно не виделись. И я не в курсе, чем он сейчас занимается.

– Через четыре месяца собрание. Я потребую отчет. Ты будешь наблюдать.

Губы Момо расплылись в снисходительной улыбке.

– Тобиас, даже если ты, как член совета, дашь мне указание, даже если я вдруг решу подойти к процессу добросовестно, следить за эмоциями Грегора – занятие бесполезное.

– Мы втроем выйдем в Деклаэл, и я задам ему вопросы там.

– Да, там даже Гению физики обмануть меня не просто. – Улыбка стала еще шире. – Но с чего ты решил, что я буду усердно стараться? Грегор мне нравится куда больше чем ты. При всем уважении к вам, Гений войны.

– Это важно, Момо. В первый день собрания совет объявит о, – Тобиас запнулся, – весьма важных обстоятельствах. И я считаю, что Грегор может быть напрямую причастен к ним.

– Важные обстоятельства? Еще одна комета?

Тяжелые желваки пробежали по скулам блондина. Его взгляд посуровел.

– Момо, это не имеет отношения к личным неприязням. Возможно, Грегор не при чем. А возможно, его игры в бога могут плохо закончиться для всех. Ситуация крайне серьезная.

Здоровяк задрал голову в небо, изучая плывущий над ними косяк птиц.

– Если это не ваши старые игры, я подумаю.

– Тут нечего думать. Глава Эяр отдаст официальное распоряжение, я здесь только чтобы предупредить.

Момо остался на берегу, глядя на удаляющегося Тобиаса.

– Да чтоб вас всех. Чего вам не хватает, вы и так боги.

Полтора часов полета мало для сна. Тем более, что заснуть толком не удалось. На побег она так и не решилась, после контрабандиста доверия к камерам поубавилось. Турникеты, рамки, сотрудники аэропорта и таможи, никто так и не обратил на них внимание. Не привлек их и увесистый кейс в руках Грегора.

Даже руку не поменял ни разу. И глаз не сомкнул. Он вообще человек?

Если подумать, колдуны себя так не ведут. Делают обряды, на людей влиять могут, но не так же, чтобы все вокруг без слов слушались. И шаманы так не умеют. Дух?

С этими лучше вообще не спорить. Хотя, что о них вообще известно? Надо было дедушку слушать.

Сотрудник секьюрити отеля подошел сразу. Отвел в сторону, несколько раз проверил металлоискателем. Не обнаружив ничего подозрительного, все равно предложил пройти в отдельную комнату на первом этаже.

Прибор из сейфа, похожий на ретро смартфон, запищал, дойдя до сумочки Яны.

– Можешь идти, все в порядке.

Охранник, среагировав на фразу Грегора, молча вышел.

– Он что, тоже... как вы это делаете?

– Давай не будем кормить твое безумие. Чем меньше потом будешь анализировать произошедшее, тем для тебя же лучше.

То есть, потом все же будет. Не похоже, что врет. Вроде.

Тонкий кружок полупрозрачного пластика с едва различимой микросхемой внутри – просто еще одна страза на женской сумочке. Грегор задумчиво повертел его в пальцах.

– Технология, которой еще нет. Я видел, как стюард прилепил его. Ты приносишь удачу, Яна Мохова.

Странное у него понятие об удаче. Но в одном он прав, лучше много и не знать. Может, обойдется все?

На номер Заммер не поспешил, интерьер – не стыдно герцогу предложить. Люкс, верхний этаж. Высоковато, с балкона не спрыгнешь.

– Твой. Долго здесь не задержимся, через час выезжать. Отдохни пока.

Все-таки мысли читает. Или у нее на лице все написано? С детства от этого страдала, дурацкая открытость.

В душ. Сейчас сгодилась бы и лейка в корыте на кухне. Кабина с гидромассажем на десять минут помогла забыть о переживаниях. Все-таки не зря в религиях обряд омовения так ценят.

Предрасветный вид из окна на Дворец Наций помогает не впадать в унылый пессимизм, закуски, доставленные в номер, тоже кстати.

Забраться в бар? В номере должен быть. Нет, идея никудышная, и Заммер вряд ли оценит. Кем бы он ни был, лучше не злить.

Девушка заметила какое-то шевеление на улице. В припаркованный напротив минивэн загружается странная компания из шести человек. Одеты по-военному в черное, пятеро мужчин, одна женщина. Один поднял лицо. Заммер? Нет, просто похож. А девушка...

Яна взглядела пристальней.

Черные волосы, скулы... Похожа как сестра. Что за чертовщина?
В дверь постучали. Яна открыла, в надежде увидеть кого-то кроме него.
Заммер. Ну, хотя бы не ввалился без предупреждения.

– Мы уезжаем. Через несколько часов для тебя все закончится. Это твой билет до Москвы.

В протянутом квитке дата, время, все как положено. Отпустит? Похоже на то, но расслабляться не стоит.

Блестящий кейс разделял их на заднем сидении тонированного седана, выезжающего с подземной парковки.

В небольшой комнате совсем мало свободного пространства, шкафы с проводами вдоль стен сжирают почти все. Хлам, конечно. Старье. Но приходится довольствоваться тем, что под рукой.

Тобиас нервно постукивает пальцами по столу, следя за картинкой на мониторе.

Правила, всегда правила. Попробуй сделать хоть что-то без формального обоснования и все это орущее сборище вцепится в него. Потому что им скучно. Потому что вся ответственность на нем. Вечные бездельники, но он обязан защищать их. Всех.

На щелчок замка Гений войны не обернулся. Гедеона привык чувствовать за сотни метров.

– Пятнадцать минут назад они покинули отель. Направляются к границе.

– Уже вижу, – Тобиас кивнул на монитор, – Свернули после Мерена.

– БАК.

БАК. За каким хаосом Грегора туда понесло? Красная ртуть, атомные электростанции, теперь это. Гений физики имеет право заниматься чем угодно в Еглеопе, пока не нарушает запреты. Как и каждый из них. Но он знает Грегора с самого начала. Чувствует не так, как другие. Не объяснить. И пророчества...

– Мы выдвигаемся. Объект повышенной опасности, просто реагируем на возможную угрозу. – Кнопка селектора хрустнула под пальцем, способным гнуть гвозди. – Эхо-шесть, это танго-один-actual, готовность две минуты.

Черный ястреб режет тишину лесистых склонов изо всех стальных сил. Четверть маха, быстрее не способен. Его хищная тень на миг накрыла одинокий минивэн на обочине проселочной дороги.

– Они прямо над коллайдером, разворачивают оборудование. – Гедеон, тыча пальцем в картинку на планшете, пытается перекричать шум винтов, – Со спутника идет сигнал, видит какой-то таймер.

Тобиас потянулся за рацией. Медлить смысла нет – опасность может быть реальной.

– Всем, это танго-один-actual, код красный.

Воздушный поток гнет сочные травы к земле, шасси смачно вмяли бурюю почву. Шестеро уже лежат лицом вниз со скованными за спиной руками, а сотрудники Интерпола внимательно осматривают странное устройство неподалеку.

– Грегор не сопротивлялся? – Голос Гедеона слегка встревожен.

Тобиас внимательно всмотрелся лицо одного из задержанных.

– Это не Грегор.

– Мы актеры. – Мужчина-европеец принялся торопливо объяснять. – Нас наняли для дружеского розыгрыша. Это розыгрыш.

– Эй, амиго, – спокойным голосом добавил темнокожий сосед, – у нас электрогриль, мы не собирались разводить костер.

Какого хаоса? Грегор до сих пор в отеле? Вряд ли. Но куда именно он отправился?

Спустя двадцать минут Тобиас, сидя на складном стуле около замысловато стилизованной барбекюшницы, слушал доклад Гедеона.

– Двое нанятые актеры. Пересказывают сценарий дружеского розыгрыша. Четверо других интереснее. Один – старший инструктор лагеря подготовки Хезболлы в Венесуэле, кубинец. Трое остальных его помощники в том же лагере. Заказ поступил от Коллективос. О том, что они приманка, предупредили открыто. Конкретных имен не знают. Все говорят, должны были развернуть странный электрогриль в точно указанном месте. Устройство проверяли сами, никаких подвохов, кроме внешнего вида. В сумках только стейки. Про маячок ничего не помнят.

– Передай Ю Лиану, пусть сообщит о местонахождении Грегора и не прерывает наблюдения. Это приказ члена совета.

Стеклобетонный энтазис здания, окруженный флагами всех стран мира, нависает над городом грозным хищником. Слово, вылетевшее отсюда, имеет особый вес. Не рекомендация – приказ. Банку банков не нужны рейтинги и громкие названия, ему нужно лишь беспрекословное подчинение.

Люди в фойе, впервые за время их совместного путешествия, не спешат сразу же отводить взгляд от Грегора и Яны, а сам Заммер всего лишь любезно доложил о своем прибытии у стойки ресепшена. Скоростной лифт в минуту поднялся на верхний этаж небоскреба. На удивление сотрудников, прямо в коридоре их встретил владелец.

Жилистый старик с гладким лицом профессора, лет семидесяти на вид, держится бодренько. С радостной улыбкой обнял Заммера, словно давно не виданного родственника.

– Грегор, какая приятная неожиданность.

– Я тоже рад тебя видеть, Аарон. Моя спутница, Яна Мохова.

Грегор перешел на родной для девушки язык. Старичок по-деловому протянул руку.

– Приятно познакомиться, мадмуазель Мохова.

Тоже без акцента говорит. Полиглоты они все что ли?

В кабинете по-домашнему уютно. Ни длинных столов, ни портретов государственных деятелей. Камин, полки с книгами, мягкая удобная мебель.

– Я могу тебе чем-то помочь, друг мой?

Банкир, уселся в широкое кожаное кресло, предлагая гостям последовать примеру.

– Я бы хотел перевести это на счет леди. – Грегор поставил кейс на журнальный столик. – Чтобы не возникало вопросов об источнике.

– Разумеется. Естественно, никаких комиссий.

Счет? Нет у нее никакого счета.

Старик закатил глаза и выдал спустя десяток секунд.

– Девятнадцать шестьдесят шесть? Яна Станиславовна Мохова?

Четыре последних цифры зарплатной карты. Как, не важно. Важнее, что Заммер действительно ее отпустит. Наверное.

– И я хочу спуститься в хранилище.

Лицо Аарона сразу потускнело.

– Грегор... У меня нет причин тебе отказывать, но эта леди...

– Ключ. Ни у кого не одолженный, мой.

– Верно, и при других обстоятельствах я бы не стал препятствовать, но буквально только что со мной связался Гений войны. Просил слегка задержать тебя до его прибытия. Думаю, он скоро...

– Аарон, – Грегор прервал во второй раз, протягивая футляр с кристаллом, – просто проверь.

Банкир нерешительно посмотрел на обитую бархатом коробочку. Пересев за массивный боковой стол, вставил кристалл куда-то сбоку столешницы. С минуту вглядывался в монитор. Затем проделал манипуляцию еще раз.

– Тебя, ведь, именно за это любят? Красиво задумано, но нет. Я сканирую созданное тобой твоим же устройством. А леди, насколько я понял, имеет сейчас доступ ко всем базам совета.

– Именно. И Тобиас в курсе. Поэтому, пусть леди отправляется домой прямо сейчас. – Грегор повернул лицо к девушке. – Ты свободна, Яна Мохова. Наша сделка закрыта.

В смысле... все? Отпускает?

– Но я же...

– Дальнейшее тебя не касается. Автомобиль, на котором мы приехали, ждет у входа. Или вызови такси, попроси на ресепшене помочь.

Сама справлюсь, по-английски везде понимают. Но... все?

Девушка неуверенно двинулась к двери. Ватные ноги не хотят слушаться, сердце колотится как дизель на старом тракторе. Не заперта.

По дороге к лифту девушку никто не остановил.

– Тогда я вообще ничего не понимаю, Грегор. – Аарон недоуменно развел руками, – Для чего было устраивать шумиху?

– Ты откроешь по моему запросу пятый уровень.

– Я тебе сразу скажу, данные на пятом, шестом, седьмом уровне тебе ничего не дадут.

А ниже...

– Не надо ниже. Тобиас преследует меня последние два дня. Без формальных причин. Пусть накроет за поиском по поставкам оружия в Еглеопе.

Банкир все еще колеблется.

– Мелко. Для всех будет очевидно, что ты его провоцировал.

– Не важно. Главное, у Мары будет формальный повод. Ну же, Аарон. Сам говорил, что его военные расходы ярмом висят на твоей шее. В хранилище ведется постоянная запись, ты ничем не рискуешь.

Сотрудник отдельного хранилища, подчиняющийся распоряжениям исключительно владельца банка, без вопросов открыл дверь незнакомым посетителям, выпустив потоки мягкого желтого света в бронированный полумрак коридора. Этот момент раз в пару лет «совершенно случайно» удавалось подловить редким гостям подземных коммуникаций и легенды о хранилище с запасами не меньше, чем у правительств соседних стран уже десятилетиями гуляют в узких кругах.

Тобиас и Гедеон влетели в грот с покрытыми позолотой стенами. В похожем на праздничный шезлонг каменном кресле, единственной здесь мебели, неподвижно лежит Грегор. Его глаза закрыты, а грудь едва вздымается. Аарон внимательно изучает подчиненные запутанному алгоритму, всполохи на стенах.

– Я же просил задержать его.

Тобиас буквально кричит.

– Понимаю вас, Гений войны.– Речь банкира спокойна. – Но при данных обстоятельствах, я не решился отказать Гению физики.

– Аарон, ты что несешь? Я дал прямое распоряжение.

– Грегор настаивал, у меня не было формальных причин отказывать. Его носитель настроен на автоматический поиск, я открыл пятый уровень.

– Сколько он там уже?

– Минут десять.

– Ему нужно было несколько секунд, раз кристалл автоматически настроен. – Голос Тобиаса сорвался на высокие нотки. – Девушка. Где она?

– Отправилась в аэропорт. – Голос Аарона менее уверен.

Геден кинул вопрошающий взгляд.

– Проконтролируй. Грегор выходи. – Не дождавшись никакой реакции, Тобиас потряс обмякшее тело за плечо, – Грегор, выходи немедленно.

– Тобиас. Не на...

Поздно. Грегор изогнулся дугой. Легкая судорога пробежала от ступней до кистей. Затем еще одна. Из рта полез комок пены.

Слухи о новом финансовом кризисе расплозились мгновенно. Неизвестно, кто из сотрудников первым произнес это вслух, но такое объяснение происходящего в кабинете Аарона стало самым популярным среди персонала.

Одна из крупнейших фондовых бирж замерла в ожидании уже через час после прибытия первых странных гостей. После того, как секретарша тихонько шепнула своей любовнице, что посетителей в кабинете на два больше, чем проходило мимо нее, и уже пятеро посторонних посетили отдельное хранилище, три крупнейших мировых таблоида начали писать заготовки для завтрашней первой полосы.

– Тобиас, будь любезен, объяснись.

Бледная женщина со снежными волосами, восседает в кресле, словно на троне. Ее черные, как сама ночь, глаза, не мигая, глядят на Гения войны. Стоит отдать ему должное, не многие способны спокойно выдержать этот взгляд.

– Грегор имитировал атаку на БАК, в то время как сам...

– Занимался проверкой твоей деятельности. И ты решил ему помешать. – Ледяная фраза блондинки оборвала Тобиаса на полуслове.

– Мара, я прошу воздержаться от преждевременных обвинений. – Сидящий за столом владельца Эяр, заметно встревожен.

– У меня к вам вопрос, глава Эяр, – Мара никак не отреагировала на последнюю фразу. – Вы давали какие-нибудь указания Гению войны относительно Грегора?

– Я попросил уточнить местонахождение всех нерахри и усилить меры по их безопасности в Еглеопе.

– Оу, нам теперь грозят опасности в Еглеопе?

– У Минамус весьма тревожное пророчество. Шутка, – Эяр поставил ударение на последнем слове, – Грегора пришлась совершенно не ко времени.

– И поэтому он сейчас в коме, вызванной Гением войны, во время проверки, – Мара сделала паузу, – деятельности Гения войны?

– Это смешно, – Тобиас вскочил на ноги. – Я просто дотронулся до него. Не более.

Женщина встала, не выражая лишних эмоций.

– Я выясню, можешь не сомневаться. Аарон, попроси кого-нибудь проводить меня в хранилище, хочу посмотреть, как дела у Риты.

Тело решили не тревожить. Кардиомонитор и аппарат искусственной вентиляции легких доставили в хранилище.

Рита нежно поглаживает волосы неподвижного Грегора. По телу пробежала судорога. Она коснулась ладонью лба, спазм прекратился.

– Я помню этот запах. Лечишь или пытаешься расслабиться?

Голос Мары столь же мягок, насколько он был жестким, пятью минутами ранее. Ее вышитое бело-голубое платье выглядит здесь куда уместнее, чем в стеклянных коридорах.

– И то и другое. – Рита убрала бонг в карман. – Возможно, причина лишь в физическом теле, и если прекратить припадки, сознание восстановится.

– Возможно, причина в самом Грегоре. Аарон шепнул, он определенно хотел подставить Тобиаса.

– В его духе. Но... эпилепсия. Кто в здравом рассудке станет так рисковать?

Мара глубоко вздохнула.

– Тут ты права, процесс неконтролируемый. Надеюсь, он знал, что делает и не перехитрил сам себя.

– Когда очнется, я откушу ему ухо и заставлю год так ходить. Чтобы не смел подобные фокусы выкидывать, не предупредив меня.

Мара подошла ближе и взяла Грегора за руку.

– С ним все будет хорошо, это я чувствую лучше всех. Может, стоит сообщить Леанту?

– Леанту давно нет ни до кого дела. – В голосе Риты сквозит грусть. – Мара. Есть вероятность, что Тобиас действительно напал на него?

Блондинка на секунду задумалась.

– Вряд ли. Но полностью исключать нельзя. В хранилище никто не войдет без моего ведома, включая членов совета, обещаю.

Рита кивнула. Ее ладонь накрыла пальцы партнера и наставницы.

– Мне стоит посетить лабораторию, возможно эссенции подействуют лучше.

– Рита, никаких ограничений на воплощения для тебя. Грегор больше кого-либо имеет право на использование всех ресурсов этого мира.

Такси доставило в аэропорт без происшествий. Водитель вежливо поинтересовался, все ли с ней в порядке и отчего она так нервничает, но с другими расспросами в дороге не приставал.

Пара бокалов вина в зоне ожидания и один в салоне самолета расслабили, захотелось жить. Кошмарная сказка закончилась. Больше никаких подземелий, змей, колдунов. Может, послать все и свалить домой?

Денег хватит. Просто жить. В тайге много и не надо. Уехать к дедушке в поселок, учиться. Да хоть и у Эрхана, вредный, но шаман хороший. Дедушка хвалил.

Замуж выйти. За такого... За такого, как Заммер, только без колдовства. И помоложе.

Забавно, но теперь он уже не кажется таким страшным. Даже тоскливо без него немного.

Она уже почти прошла пограничный контроль в Домодедово, когда подошли два офицера таможенной службы.

– Пройдемте с нами, пожалуйста.

Что, зачем? Сердце бешено заколотилось.

В небольшой комнате, набитой всякой аппаратурой, еще двое. Сотрудник в форме вежливо поздоровался, включил камеру видеонаблюдения. Другой стоит в углу, наблюдает.

Странный он, в кожаной куртке в такую-то жару. Из-за худобы что ли комплексует? На гея похож. Густые брови. Точно, красит. Пунцовые губы на гладковыбритом подбородке, румянец выпускника. А глазенки цепкие.

– Вы принимали наркотики или контактировали с наркотическими средствами в течение последних сорока восьми часов?

– Нет.

Хотя многое объяснило бы.

– Протяните, пожалуйста, руки вперед.

Сотрудник провел бумажкой по кончикам пальцев. Засунул в прибор.

– Кокаин, Гедеон Тукаевич. Как и ориентировали.

Да там даже не пискнуло ничего. Что она трогала? Может, у банкира с подлокотников принято нюхать? Какая разница, у нее же нет ничего запрещенного, сама сумку проверяла перед вылетом.

– Собачку ведите.

Сумка! Она же сзади стоит, между офицеров. Разява. Но не могут же они...

Кинолог вошел сразу, словно за дверью ждал. И на сумку указал сам. Овчарка сразу принялась скулить и рыть лапами по ткани.

Коробка сигар? Ну не было их там. Когда же...

– В сигарах везла. – Раскрутив один из футляров, сотрудник извлек запаянный пакетик с белым порошком, – Модно в последнее время.

– Спасибо. Оставьте нас.

Слушаются. Прямо как Заммера. Только тот вообще ничего не говорил. Чертов колдун, из-за тебя все.

– Можете объяснить происхождение наркотиков?

Объяснить. Сами же и подсунули.

Гедеон даже не ждет ответа.

– Хорошо, тогда расскажите о своих последних сорока восьми часах. Чем вы занимались?

– Готовила статью для Нерахри Физикал Корпорэйшн.

Голос дрожит. Не разреветься, его этим все равно не проймешь.

– Связаться с ними можете?

– Есть номер господина Заммера. В редакции должны быть контакты.

Он не это хочет услышать. Стоп. Эхо. Ощущение как с Заммером, только в разы слабее.

Гедеон приложил пальцы к переносице.

– По-быстрому не выйдет. Ты подумай пока, я тебя в отделении навещу.

Два старлея вошли сразу, как он нажал кнопку.

Дуболомы откормленные, чтоб они тебя всю ночь... Да тебе, наверное, понравилось бы.

Устроил спектакль. Ладно, смысла строить из себя Космодемьянскую никакого.

– Я...

Что? Исчез? Только что на стуле сидел.

– Куда он делся?

Полицейские непонимающе переглянулись.

– Пройдемте с нами, гражданка. Вы задержаны.

С мигалкой хорошо. Дорогу уступают – по закону обязаны.

Это, если ты за рулем. А если тебя везут непонятно куда, сложно представить что-то более угнетающее, чем звук спецсигнала.

Хотя, куда – понятно. Менты, как менты, прав не зачитывают, на вопросы отвечают по-человечески. В голову не лезут.

ГУП наркоконтроля. Похоже, действительно, туда везут. В навигаторе вбито.

Заммер, из-за тебя все. Сволочь. Втянул в свои игры и бросил.

Может, отпустят, когда все про него расскажу? Ну не посадят же, в самом деле, кто поверит в этот бред с контрабандой?

Наш суд. И прокуратура. Они всегда охотно верят.

Отдать деньги? Да сами заберут, нолики исчезнут так же, как и появились.

С мигалкой хорошо. Но, толку от нее, если перед МКАД авария, и на трех полосах с обочины машины уже в восемь рядов выстроились, чтобы блеснуть мастерством, вливаясь в один. Хоть обсигналься, двигаться им некуда, чтобы тебя пропустить.

Водитель постучал по потухшему регистратору. Тоже мне, инструмент контроля, как будто взятки непременно в салоне берут.

Что за тип перед капотом? На мойщика точно не тянет. И менты притихли. Как вырубило. Зачем водитель разблокировал двери? Почему этот тип садится к ней?

– Неловко вышло. Не хотел доставить проблемы.

О чем он вообще?

– Кто вы такой?

– Грегор Заммер.

За дуру держит? Лет на пятнадцать моложе, подбородок легче, лицо острее, волосы темнее, выются, глаза... Вот глаза те же. Родственник? Или...

Я помогу.

Эхо. Голос другой, эхо в голове то же.

– Грегор?

Улыбнулся. Точно не он.

– Идем.

Куда? Ты чего обниматься лезешь?

Яркая вспышка в мозгу накрыла одновременно с медвежьими объятьями.

Полицейские так и не смогли объяснить, куда исчезла задержанная.

На безмятежной поверхности ни ряби. Спокойное озеро. Спокойная страна. Земля без войн. Все люди хотели бы жить без них.

Но не получится. Другие способы еще хуже.

Или безропотно принять конец, или сопротивляться, ответственность тут ни на кого не скинешь. Он должен принимать на себя всю их ненависть, злость, осуждение. И молчать. Делать вид, что поступает так по собственной прихоти.

Мягкая поступь шагов. Вернулся. Почему он всегда пытается проявить нежность, даже когда это неуместно?

Гедеон осторожно тронул за плечо, застывшего на берегу Тобиаса.

– Сказал же, от прыжков воздержись. Мара уже до каждого действия докапывается.

Гений войны сосредоточен и суров. Как ему и положено.

– Пришлось отправиться за ключом.

– Почему здесь нельзя было перехватить?

– Она не поддается внушению. Совсем. Ни визуальному, ни вербальному.

Не поддается? Грегор придумал хитрый блок, или...

– Опиши, как это ощущается. Сопротивление, отталкивание, пустота?

– Да нет, все как обычно. Я посылаю, она принимает, просто не реагирует никак.

Совпадение? Да какие тут совпадения.

– Забудь про Мару. Отследи всех, кто долго контактировал с девушкой. Найди среди них всех психопатов, шизоидов, вообще всех, кто ведет себя странно. Изолируй самых буйных.

Гедеон согласно кивнул. Спорить не привык.

– Она в надежном месте?

– В местной полиции.

– Переведи ее куда-нибудь... поглубже.

Квартира, занимающая верхние этажи трехэтажного здания, во всех реестрах числится как восемь маленьких. Рисунок паркета, из десятка пород дерева, поделится эпичным сюжетом, если пройти по всем комнатам последовательно. Мебель, отделка, все подобрано и расставлено так, что изображения на полу с определенного ракурса устремляются вверх.

В квартире регулярно убирают и никогда не мусорят. По крайней мере, последние двести лет. Кроме уборщицы редко кто появляется, тем более таким способом.

Она чуть не грохнулась на пол, очутившись в залитой солнцем комнате, но его рука удержала. С легкостью родителя, подхватывающего ребенка.

Это уже не фокусы. Если только ее не кормят новинками психофарма.

Девушка отстранилась от своего спасителя. Или похитителя, как посмотреть.

– Где я?

Незнакомец покосился на двухметровое окно.

Опять улыбается. Черта с два он Заммер. Чего там за окном? Ров с крокодилами? Колючка?

Яна осторожно отодвинула занавеску.

Стена. Этот, расписанный неуклюжими граффити, кусочек здания в центре не спутаешь ни с чем. Ходила сюда в свой первый выходной в Москве.

Внизу многолюдная пешеходная улица. Кричать? В Праге не помогало.

– Что вам от меня нужно? Деньги?

– Глупо было прикладывать столько усилий, заставляя тебя взять их, чтобы потом отобрать.

Подарок колдуна. Если приняла, всю жизнь должна будешь. Но... действительно Заммер?

– Вам от меня еще что-то нужно? Душа? Кровь?

Незнакомец шумно выдохнул.

Вот так учительница в первом классе смотрела, когда она оберег из портфеля доставала, чтобы к доске выйти.

– Пару дней... мое другое тело будет умирать. И пока я не могу тебе ничем помочь открыто. В другой ситуации, я бы просто приказал тебе сидеть здесь, но, ты же напрочь отказываешься подчиняться.

Подчиняться? Я ему что, игрушка?

– С чего я должна вам верить?

– Если бы я хотел сделать тебе что-то нехорошее, то доставил бы куда-нибудь... не сюда. Логично. Но где Заммер, а где логика.

– И что значит, ваше тело будет умирать? Кто вы такой?

– Хочешь знать?

Ближе подходит. Прыгать? Второй этаж, не высоко.

– Проще будет показать.

Руку протягивает. Опять мысли читает?

Коснись. Не бойся.

Темнота окутала одновременно с прикосновением и тут же сменилась психоделичным пейзажем. Фиолетово-белые горы вдали, трава под ногами им в тон. Голубые деревья светятся изнутри, разбитая на ровные градиентные квадраты спокойная поверхность озера. И привычный, такой же, как в первую встречу, Грегор Заммер.

– Где мы?

Девушка шепчет, едва слыша собственный голос.

– В моей реальности. Одной из любимых, расслабляет.

Расслабляет? Да тут свихнуться недолго.

– Это все настоящее?

– С твоей точки зрения вряд ли. С моей, такое же настоящее, как и Еглеоп.

– Еглеоп?

– Физический мир. Со строгими едиными законами, к которому ты привыкла. Тут законы определяю я. Можем полетать, например.

Ноги оторвались от поверхности, тело незавязанной ленточкой взмыло вверх. Яна взмахнула руками, теряя равновесие, опереться не на что, не за что схватиться. Невидимые руки подхватили сзади, не дав опрокинуться.

– Верните, пожалуйста.

Осторожно, как хрустальную, ее опустили на землю.

– Что ж ты такая пугливая? Давай чуть привычнее сделаем.

Мгновение, и пейзаж, не меняя очертаний, приобрел земные цвета. Повинуясь неуправляемому жесту Грегора, из-под земли выросли два гладких валуна.

Присесть не помешает. Теплые. Упругие.

– Поудобнее сделать?

Яна отрицательно мотнула головой.

– Вы дух?

Этим лицом тоже улыбаться умеет.

– Вполне подходящее определение. Кусок энергии, заряженный информацией.

– И как вы выглядите на самом деле?

– Чаще всего именно так, как сейчас. Я могу принять любую форму здесь, да и в Еглеопе в принципе тоже. Но это как в разгар твистерной партии убежать не меняя позы.

Есть разница, в какой форме находиться? Не дух. И почему он говорит, что все вокруг настоящее?

– Можете менять мир вокруг, как захотите?

– Именно. Все здесь материально, пока я наделяю таким свойством. Перестаю – исчезает.

Представляю по-другому – меняется. Можешь сама попробовать.

Девушка неуверенно огляделась еще раз.

– И как мне это сделать?

– Просто представь что-нибудь не таким, как видишь. Смотри на то, что хочешь изменить и представляй его другим.

Всего-то? Дерево. Нет, трава. Нет, пусть будет небо.

Просто смотреть. И чего?

Облако. Большое. И на дерево похожее, чтоб без сомнений. Ничего.

Может быть цвет?

Яна уже шестой раз безрезультатно всматривалась в небо, когда камень под ней начал проваливаться. Она только успела заметить, как краски вокруг потускнели, прежде чем очнулась, в комнате на Арбате.

– Как ты это сделала?

– Я, я ничего не делала. Я хотела зеленое небо.

Пустота. Спокойная, мирная, без желаний и тревог. Он слушал ее десятилетиями, прежде чем заново научился ощущать неподвижность, забытую от начала Еглеопа. Конечно, в него приятно падать, бытие в нем куда интереснее, с его разнообразием переживаний и эмоций. Но в нем так легко забыть про вечность.

Мраморная статуя в центре площади открыла глаза.

Опять это изменение. Он уже привык к липким жадным толчкам, время от времени тревожащим пустоту. Но, на этот раз ощущение иное. Нет, показалось.

Повертев головой, статуя приняла прежнюю позу.

Все увиденной там, можно повторить и здесь, конечно. А можно наоборот, убрать последнюю иллюзию. Куда проще, чем создавать, просто выкинуть из сознания образ, и плотная картинка тоже исчезнет. Но, ведь, я оставил зачем-то это напоминание для себя самого. Потому что это важно? Или наоборот, я не знал, что оно бессмысленно? Кто вообще, этот я?

Статуя дернулась еще раз. С непониманием посмотрела на свои ладони, наливающиеся живостью.

Я помню. Я чувствую этот всплеск, который заставил все вспомнить. И то, что его вызвало приближается прямо сюда.

Комната исчезла так же резко, как и появилась. Они очутились в темноте друг напротив друга.

Ничего вокруг. Сверху тоже. А под ногами...

– Не смотри по сторонам, на меня смотри.

Заммер взволнован? Он вообще подвержен эмоциям?

– Это была наспех реализованная заготовка, но ты не должна была так повлиять. Не в первый раз. Вообще не должна была.

Вроде, не злитя. А чего она сделала вообще?

– Это плохо?

– Плохо ли то, чего не было никогда? Ты должна была сделать маленький первый шаг, а вместо этого подпрыгнула вверх и упала на спину. Нам нужно что-то попрочнее.

Яна почувствовала, как они начали куда-то перемещаться. Или все вокруг, а они просто замерли на месте. Не понятно же, ни одного ориентира. И ветра никакого. Тут вообще воздух есть? Дышать легко.

Смотри на меня.

Опять. Достал уже в голову лезть.

Ощущение времени размылось. Секунды или минуты, сложно понять, все какое-то неправильное.

Пятно впереди. Приближается. Нет, они к нему. Кажется, это здание. Несколько. Целый город?

Выверенность надвигающегося города чувствуется во всем. Широкая скатерть мозаичного проспекта упирается в мраморную площадь. По обеим сторонам ни одного одинакового здания, но есть ощущение абсолютной симметрии. Аркатурные пояса домов сливаются в градиентные синусоиды, словно архитектурная запись вечной песни. Застывшие люди в одеждах с никогда не опадающими складками, деревья, единственный раз качнувшие своими ветвями по воле никогда не существовавшего ветра. Вылитые из камня, они выглядят готовыми ожить в любую секунду.

– Я не желаю видеть тебя, Грегор.

Город рокошет, словно живой.

– Прости мою бестактность, Леант, но мне сейчас больше не к кому пойти.

– Сочувствую. Но прошу не обременять меня своим присутствием.

Грегор, мгновение поколебавшись, уверенно ступил на мозаичную твердь, увлекая за собой Яну.

Он вообще слушает, что ему говорят? Вряд ли. Только командовать привык.

Хотя ногами идти привычнее. Понятнее.

Что за фанат колонн это все понастроил? Здание справа. Это же Исакий. Похож, по крайней мере. А слева? Лица на навершиях колонн, метопах, или как их там. Это же Заммер. Третий слева, точно он. А вторая врач, которая операцию делала.

Грегор не задерживается. Тащит вперед, не давая разглядеть.

Тихо как вокруг. Даже шагов не слышно.

Форум впереди. Как на картинках про древность. И человек в центре. Римлянин? Тога, сандалии. Венка не хватает на кудрявой голове.

Грегор на секунду застыл в нерешительности. Затем ступил на белоснежную площадь, увлекая девушку за собой.

Гладкая безмятежность тут же взорвалась, исторгая каменные побеги. Мраморные лозы охватили голени – не двинуться.

– Неинтересно.

Римлянин говорит без эмоций. Безжизненный взгляд делает его лишенное переностицы лицо похожим на гипсовый слепок.

– Мне нужен ответ на вопрос, Леант. Позволь получить его здесь.

Каменные стебли поднялись выше.

– Не вынуждай меня вышвыривать вас. Это будет болезненно. Уходи.

– Леант, пожалуйста, это не займет много времени. Несколько минут, и мы уйдем. Это очень важно для меня.

Лоза опутала бедра.

– Грегор, я не забыл, как ты умеешь уговаривать. Твои уловки всегда начинаются изда- лека.

Пути доходят до пояса. Фокусы или нет, боль вполне реальна.

– Сделайте что-нибудь, он же убьет нас так.

Камень сдавливает все сильнее.

– Ты. – Грегор повернулся к девушке, – Меняй. Сейчас.

– Что менять?

– Здание, меня, его, что хочешь.

– Я не умею, я не поняла, как это делать.

Человек в тоге обратил взгляд на девушку.

– Ты прячешься за человеком, Грегор? Дела совсем плохи, или она так хороша? – Один из стеблей, увенчанный бутонем, застыл напротив лица Яны, – Последнее предупреждение, я не хочу вредить твоему утрилли.

Бутон с шипением раскрылся перед глазами, обнажая похожие на зубы тычинки.

Сейчас укусит. Нет, не хочу, уйди. Да исчезни ты уже, чертов глюк.

Яна завизжала, из гортани вырвался совсем чужой рев. Хриплый, трескучий, многоли- кий.

Лоза дернулась назад, готовясь одним хищным ударом закончить само ее существование. Время замедлилось, она отчетливо поняла, бутон целится прямо в здоровый глаз.

Крик в горле распирает, взорвавшейся гранатой. Она бы и сама хотела остановиться, но уже не может. Раздался хруст. Яна провалилась в мрачное ничто, не успев понять, отчего мир вокруг раскололся надвое.

За широким трапецевидным столом их восемь. Трое в темно-зеленой военной форме с одной стороны и пятеро в строгих костюмах с другой. Еще двое на стульях у противополож- ных стен, записывают. По крайней мере, делают вид. Встреча длится уже больше часа, но пока переговоры не сдвинулись с места.

– Это просто неприемлемо. Вы наносите авиаудар в самый неудобный и неподходящий момент, когда нормализация обстановки в регионе готова стать явлением безвозвратным.

Человек с огромными звездами на погонах откровенно читает с бумаги.

– Мы были бы рады разрядить и военное и политическое напряжение. Мы ориентируемся на продолжение дискуссии. И мы не наносим удары по мирным объектам, в отличие от вашего нападения на мирный гуманитарный конвой неделю назад.

Собеседник напротив, отвечает, глядя куда-то мимо, после каждого предложения дожидаясь дублирования переводчиком.

– Этот конвой не был ни мирным, ни гуманитарным. Мы приводили в доказательство фотографии со спутников. И мы...

– Хватит! – Полковник, вскочив со стула, неожиданно дерзко прервал собственного главнокомандующего. – Замолчите все.

Скромный секретарь напротив, единственный кто не замер в ступоре.

– Гедеон, что случилось?

– Тобиас, это же невозможно слушать. – Полковник принялся расхаживать по комнате, – Они здесь рассусоливают о потерях среди мирного населения, до которого им вообще нет дела. И будут еще столько же лить воду в песок. Потому, что тех, кто их сюда отправил, еще меньше заботит и население, и собственные солдаты. Причем с обеих сторон. Разница только в том, что одни одержимы идеей построить газопровод, а другие изо всех сил стараются его похоронить.

– И? Пусть наговорятся.

– Да на кой хаос им вообще что-то говорить? Они же слушают только себя.

– Чем скучнее будут говорить, тем скучнее их потом будет смотреть, – Тобиас кивнул на глазок камеры, – У тебя дела, Гедеон? Можешь идти, я справлюсь здесь один.

Гедеон, сделав несколько глубоких вдохов, уселся обратно на стул.

– Как ты можешь быть таким спокойным? Тебя обвиняют в покушении на Грегора, а мы занимаемся непонятно чем. Единственный свидетель пропал, никто ничего не видел, на спутниках сбой, а мы разгребаем текучку совета.

– Технику мог вырубить кто угодно. А вот незаметно утащить человека... Камеры в округе все проверил?

– Работали как положено. Ни на одной ее нет. К Ю Лиану обращался, отвечает неохотно, но, вроде, тоже не знает.

– Если это Мара, он ничего не скажет. Только она вряд ли бы стала так действовать. Заявила утрилл моего ученика – мой утрилл, никто не посмеет возразить. Фуго?

– С ним вообще непонятно. Тучи гоняет над Басаши с Явраной, не подобраться. Яврана моего человека обнаружила, истерику устроила. Сказала, следующего, кто попытается шпионить, наизнанку вывернет.

– Оставь их пока. Только спутники. Девушку проморгали, винить некого. В данный момент я должен выполнить распоряжение главы совета.

Гедеон потупил взгляд. Он проморгал.

– Тобиас, они же свалят все на тебя одного.

– И правильно сделают. Я не имел права руководствоваться эмоциями. Кстати, Гедеон, недавние поставки, планы меняются. Никаких массовых волнений, полная стабильность, по крайней мере, пока пророчества не изменятся.

– Все уже утилизировано, следов не осталось.

– Сокуп?

– Подавился хурмой на глазах у десятков людей. Очень неудачно перекрыла пищевод, спасти не успели.

– Хорошо. Продолжайте, господа. И товарищи.

Мысль о том, что глаза все-таки придется открыть, напрягает своей неизбежностью. Тело ощущается так, будто вчера она участвовала в соревновании по скоростному употреблению спирта. Мозгам чуть хуже. Молоточками по ушам стучат чьи-то голоса.

– Леант, прости, что так получилось. Я не думал о таком, когда решил тебя навестить. И мне действительно не к кому было пойти.

Заммер. Чтоб тебе пусто было.

– Если бы это сделал ты, то клянусь, я бы нашел способ тебя уничтожить. Но это человек, ошибки быть не может. Твое новое оружие?

– Я пока не думал о таком использовании способностей. Нашел ее несколько дней назад, она идеально вписалась в ... – Грегор замялся, – в общем, я собирался кое-что сделать, и ее появление пришлось весьма кстати.

– Несколько дней назад? Хочешь сказать, это не результат твоих экспериментов? Кто она?

– Обычная девушка. Золотая кровь, но в остальном вполне обычная.

– Королевская семья?

– Возможно, кто-то из предков. Инициировал ее позавчера. Может, это способность ключа, о которой нам не говорили. Странности начались еще во время обряда, она вывела из строя артефакт.

– Что означает, вывела из строя?

– Ну, помнишь трон в Праге? Там еще такие подлокотники были, ты их назвал лишенными изящества...

– Помню.

– Так вот, она их разорвала в самом конце обряда.

– Это какое-то образное выражение? Они из диорита. Человек. В Еглеопе. Вы что переделали всю физику? – Тон второго голоса дополнили угрожающие нотки. – Грегор. Если ты решил, что пришло время устроить мне встряску... Я найду себе друзей среди твоих врагов.

Яна наконец-то рискнула приоткрыть глаза. Предательский солнечный свет сыграл нехорошую шутку, девушка трижды чихнула, каждый раз забивая железный костыль прямо в центр боли. Руки судорожно замолотили по воздуху в поисках надежной опоры.

Они подскочили одновременно. Одна рука сжала плечо, вторая лодыжку, прикосновения принесли облегчение.

– Не переусердствуй, на нее сейчас нельзя сильно воздействовать.

Голос Заммера уже не кажется таким ненавистным. Тепло его руки, смешиваясь с прохладой того, другого, определенно помогает.

– Знаю. У меня были утриллы. Побольше, чем у тебя.

Боль отступила, тело обмякло вопреки воле.

– Так что произошло, и зачем тебе понадобилось вторгаться ко мне?

Попытаться еще раз открыть? Чуть-чуть если, пока отошли.

– Честно говоря, это было импульсивное решение. Как раз перед нашим визитом она сломала мою реальность. Наспех созданную заготовку, без плотности, но все же. Я решил, стоит проверить на чем-то более устойчивом. Чтобы исключить ошибку.

Заммер смущен? Вот те раз.

– И с чего ты взял, что я возжажду побыть твоим тестером?

Да точно, глаза тупит. Как нашкодивший мальчишка.

– Остальные думают, что я сейчас умираю.

– Интересно. Поделись, Грегор, я тоже хочу знать, как тебя можно убить.

Не просто интересно. Жизненно важно.

– Для всех мое сознание сейчас частично находится в хранилище данных Аарона, а тело бьется в эпилепсии. Выдергивать в Деклаэл опасно, а припадки не дают возможности физически просканировать мозг.

– Умно. И ради какой великой цели это все?

– Выпала возможность подгадить Тобиасу. Есть версия, что мое плачевное состояние – результат его покушения.

– Хм, нападение одного нерахри на другого? Серьезно.

Нерахри? Они себя так называют?

Звуки шагов в соседней комнате заставил нерахри насторожиться.

– Попытайся избавиться, на меня напали, ты никому не доверяешь.

– Да с чего ты решил, что я...

Исчез. Только что был и испарился. Судя по лицу второго, для него это тоже стало неожиданностью.

Дверь она распахнула по-хозяйски, по инерции прошла шагов пять и замерла.

Врач. Это же она операцию делала.

– Рита?

Гостя несколько мгновений простояла ошарашенная, а затем с визгом бросилась на шею Леанту, обхватив ногами его бедра.

– Леант! Леант, я так скучала. Я хотела... Я столько раз хотела... – Рита затараторила, целуя мужчину в щеки, глаза, лоб, – А ты же мне отдельно запретил. И Грегору...

– Знаю. – Леант крепко прижал к себе женщину, – Я благодарен тебе за понимание.

– Ты ведь надолго? Навсегда?

– С Грегором беда, решил проверить. Дальше не знаю.

Отстранилась. Косится, сюда прямо.

– И поэтому ты сейчас заботливо охраняешь человека, которого я подарила ему два дня назад.

Подарила? Себя дари дальнбойщикам на трассе.

– Я потревожил уединение Леанта самым бестактным образом. Он великодушно решил не мстить.

Заммер. Появляется и исчезает когда захочет. Как же от такого избавиться?

– А, здесь все-таки. Ты чего творишь, я уже думала Тобиасу кидать вызов. Тело бросил и эндоканобиноиды заблокировал последовательно. Скажи спасибо, я тебя осматривать после себя никому не разрешила.

– Рита, я...

– Ты зачем девочку втянул? Ее Гедеон по всей области ищет. Веками мне рассказывал, каким может быть ценным утрилл с золотой кровью, а сам как приманку используешь.

Приманка? Ну не просто так он мне заплатил. Сволочь.

– Грегор, до сих пор подметаешь пол лотосами? – Леант посмотрел на девушку с еще большим интересом. – Ты и правда использовал ее ради маленькой мести, не изучив потенциал?

Заммер уселся в кресло, потирая пальцами переносицу.

– Все так удачно совпало... Пожалуй, я поддался эмоциям и поступил нерационально.

Рита с Леантом переглянулись. У обоих на лицах довольные ухмылки.

– Ради одной этой фразы стоило прийти сюда. Даже не знаю, что меня впечатлило сильнее, то как твой утрилл крушит все вокруг, или как трескается непробиваемость Гения физики.

Яна повернулась чуть удобнее, все еще не рискуя открыть глаза полностью.

– Может, останешься и поможешь? Грегор и так сам не свой в последнее время, а если начнет поддаваться порывам, мне его одной не удержать.

– Взрослый он уже, чтобы его от чего-то удерживать. Но девушка действительно интересна. Какие планы, Гений физики? Поделись.

На лице Грегора ни тени смущения. Сразу преобразился.

– Во-первых, нужно отделаться от Гедеона. Рита, можешь с ней прогуляться, чтобы все увидели вас вместе?

– Могу даже истерику устроить по поводу того, что Гедеон хочет избавиться от ценного свидетеля.

Заммер кивнул.

– Леант, твое появление точно добавит весомости обвинениям. Подключись к сети Ю Лиана, сообщи всем, что пришел разобраться с покушением на меня.

– Ты серьезно? Хочешь сказать, Ю Лиан реализовал свои планы, и вы согласились?

– Сможешь отключиться, когда захочешь. Если не затынет. Мне нужно пару дней, подготовиться к собственному воскрешению. Заодно проверим ее потенциал.

А меня вы спросили? Колдуны-нерахри, или как вас там.

– И как мы это сделаем, если она умеет только разрушать?

– Тонкая энергия. Она просто не выдерживает нашей плотности в Деклаэле. Нужен хороший посредник. Человек.

– Я много лет прожил в этом городе. – Леант повернулся к Рите, – Мои утриллы, что с ними?

– Хранилища не пострадали, все ледышки целы.

– Ну, допустим, проводник у меня есть.

– Разморозь его заранее, будет лучше, если он привыкнет к новому миру.

– Новый, старый. Их способности в Еглеопе всегда одинаковы. Хорошо, раз уж ты меня все равно сюда вытащил, убегать сразу не буду.

Яна уже почувствовала себя лучше и села на диване. Голова все еще тяжелая, но боль, вроде, отступила.

– Ну, что, Яна Мохова, пойдем, легализуем тебя? – Довольная Рита вприпрыжку подлетела к девушке. – Этот алмазный лоб, не объяснил ничего толком, поди.

Можно подумать, ты много объяснила, когда резала. Еще неизвестно, что в меня могла засунуть.

– Ну ты чего? Хватит лениться, тебя же ищут. Покажем, что соваться к нам нечего.

Лениться? Ладно, если от ментов отмажет, уже спасибо.

Девушка поднялась с дивана. Ничего не болит. Если колдуны так хорошо лечить умеют, может, не такие уж и плохие. Зло обычно не исцеляет.

Леант проводил дам до входной двери. Не важно, сколько лет прошло, этот дом его собственность.

– Что-то еще, Грегор?

Грегор отвел глаза в сторону, на прикушенной нижней губе выступила капелька крови. Старая привычка, не замечать сигналы тела в моменты напряжения.

– Я бы хотел вернуться максимально шумно. Полностью пересобрать тело, этот вариант слишком быстро разряжается. Заодно проверю теорию, связанную со способностями утриллов.

– И что требуется от меня?

– В общем-то ничего. Просто быть рядом и заявить, что все было твоей затеей.

Леант подошел к окну.

– У дома напротив, был еще один этаж. У моего тоже, кажется, не хватает.

Грегор понуро опустил голову.

– Их не стали откапывать полностью.

Леант еще раз осмотрел улицу. Уголки его губ изогнулись, но горечи в этой улыбке побольше, чем в иных слезах.

– Отомстить Тобиасу. Ты знаешь, с чем приходиться, Грегор.

Две девушки вынырнув из маленькой железной двери под козырьком, направились к припаркованному назло всем правилам дорожного движения прямо на пешеходной улице внедорожнику. Около машины успела собраться небольшая толпа возмущенных людей, дружно снимающих нарушение на свои смартфоны.

– Расходитесь, граждане, здесь ничего не произошло. – Рита прокричала, не доходя шагов двадцать до машины. – Ваши телефоны случайно включились, память заканчивается.

На нее никто даже не посмотрел, операторы потеряли интерес к происходящему и стали удалять только что отснятое видео.

– Умеешь водить? – Рита сунула ключи в ладонь спутницы.

– Да, но на таком никогда не ездил, – Яна в нерешительности остановилась перед водительской дверью.

– Тем интереснее. Можешь даже кого-нибудь затаранить. Только, чур, без жертв. Журналист-пассажир с кучей вопросов, – продолжила Рита, усаживаясь справа, – прямой путь к психозу на селедочных дорогах. Можешь спрашивать, пока ведешь, камер нас достаточно уже засняло.

Ладно. Лучше уж самой управлять, чем будут везти, не пойми куда.

– Как вы это делаете? Ну, в смысле, управляете людьми так непринужденно.

– Весело, правда? По крайней мере, первые сто лет. Или двести. Да все просто на самом деле, твой мозг, мой мозг, они ж одинаковые физически. Ну, почти. Приемопередатчики для волн. А глаза работают как прицел. У Грегора здорово получается, видела уже? – Рита щелкнула зажигалкой, прикуривая сигарету, – Ну так он все и придумал. Гений, в этом ему не откажешь.

– Он придумал наш мозг?

Если он создатель, понятно, почему вокруг все так криво. Только с чего верить ее сказочкам?

– Все нерахри приложились к созданию людей, хотя бы своим выбором. Но по факту наш проект стал базовым при создании Homo sapiens. Лучше, чем у остальных. Грегор рассчитал, как все будет работать: рост, развитие клеток, как это зашифровать четверичным кодом в ДНК. Леант работал над внешним обликом. А я придумала секс!

Ну конечно, самое сложное.

– Ты чего там улыбишься?

– Простите, я не хотела проявить неуважение.

– Вообще-то на мне были все нейронные связи, – Продолжила Рита, глубоко затягиваясь, – но это же скукотища. Или ты хотела бы испытывать влечение раз в полгода, как зверушка?

Может, и вообще не хотела бы.

Сумасшедшая. Но болтливая. Попробовать подружиться?

– Вы близки с Леантом?

– С Леантом и с Грегором. Мы трое были близки всегда, со времен создания Еглеопа. Правда, Леанта не было рядом последние пару сотен лет.

– И они никогда не ревнуют друг к другу?

– Они?! С чего это они должны ревновать? Это я ревную! Вечно вдвоем что-то придумывают, меня в последнюю очередь посвящают.

– Ну, – Яна немного замялась, – они же мужчины.

– А, это. По большому счету постоянная смена тел прекратилась совсем недавно. Леант вообще раньше женские предпочитал. А еще мы раньше являлись грозными великанами. Тоже скукотища, люди сразу начинали от нас чего-то хотеть, просто так не поговоришь. Но, как появилась новая станция связи, сложность каждой новой настройки убила желание к частым экспериментам. Да и приелось порядком. Зато возможностей больше чем в любой соцсети. Хочешь наблюдаемое транслируй, хочешь запахи пересылай. Правда, есть мнение, что Ю Лиан может все это просматривать. Но всем плевать. Слушай, а тебя же тоже можно будет подключить, если дорастешь. Наверное. Я тебе такое покажу... – Рита внезапно прервалась, подняв палец вверх, – Покатай меня немного.

Немного оказалось почти час. Ехать по городу с трупом не самое приятное занятие. По крайней мере, у нерахри нет пульса, и она не дышит. Обе остановки в безлюдных местах, для того, чтобы пристегнуть Риту и перепроверить ее состояние, прошлись тревожным стуком в груди.

Может, бросить ее прямо тут? И куда пойти, ее же обвиняют в контрабанде? А если остановят с трупом?

Вернулась Рита так же внезапно, как и ушла. Удержанное ремнем безопасности, тело дернулось вперед, небольшая порция содержимого желудка оказалась на блестящих туфлях.

– Расскажешь об этом Грегору или Леанту. Вырву здоровый глаз.

В хриплом голосе нет и тени шутки.

Борясь с ремнем, с помощью салфеток Рита принялась устранять следы конфуза. Изящный флакон духов дважды сердито фыркнул на обувь. Аромат ударил ярким и громким жасмином, древесный крем пришел за ним.

– Нравится? Подушить тебя? – Не особо дожидаясь согласия, Рита побрызгала девушку – Ну позор же. Столько лет это делаю, все равно через раз тошнит. Но между нами девочками. Кстати, как запах? Амбра и мускус, настоящая магия, не синтетическая подделка.

Они точно все сумасшедшие. Заммер хотя бы говорит логично, а как с этой себя вести вообще непонятно.

– Винтажно звучит. Романтично.

– Угу. Хотя, если задуматься, вытяжка из железы оленя и просоленная отрыжка кашалота, не такие уж и романтичные. Стоп, мы куда едем? Разворачивайся давай.

Яна стала высматривать впереди разрыв в сплошной.

– Ну ты чего? Давай, руль плавно влево, вот так. Там двойнику нашего стратега совсем плохо, загнется раньше времени, на меня все валить будет.

Проблем с посещением хранилища не возникло. Проводники нашлись быстро – люди что тогда, что сейчас одинаковые. Только теперь пешком не надо ходить.

Зачем они сжигают нефть, правда, не совсем понятно. Чем электричество не устроило?

И зачем так высоко понастроили? Ладно бы парки между домами разбивали, так нет, налепили друг на друга. В Еглеопе же самое интересное – строить. Или только для него одного? Да нет, все красоту любят.

Фрол опять дергается на заднем сидении.

– Вези, проводник. Не обращай внимания.

– Господин Леант, а может того, пешочком прогуляемся? Ну куды так торопиться-то?

Располнел он что ли. Или под старой одеждой незаметно было? Не стоило ему выбирать красный костюм. И почему спортивный, если сделан из синтетической ткани? Почему не шелк? Помешались на нефти. Если только проводник ничего не путает.

– Не бойся, Фрол, скоро прибудем.

– Да я и не боюсь, коли не велите. Только боязно все равно.

Фрол. Чудаковатый и фантазией не блещет. Зато умеет одну и ту же реальность создавать мгновенно. То, что надо.

Крепко сбитый мужчина с длинными включенными патлами, сросшимися с давно не чесаной лопатой бороды, кряхтит, порывается что-нибудь ляпнуть, но каждый раз останавливается. Раз господин Леант не удивляется, то и ему не с руки.

Автомобиль наконец остановился у нужного места. Трехэтажный особняк за кованым забором среди низкорослых деревьев в предместье.

– Ох, Господин Леант, никак не пойму, в раю вы меня воскресили, аль в аду.

– Посмотрим, Фрол. Я и сам здесь давненько не был.

– Сумачедствие одно кругом. Хотя, домишко тот вон благовидный.

– В него и идем, Фрол. Сумасшедший дом для бар, нам там сейчас самое место.

– Хех, – Фрол философски крякнул, – бедлам, так бедлам, вам-то оно виднее.

Главврач частной психиатрической клиники встретил любезно. Внушения не требуется, имени Риты здесь достаточно.

Палата, по его словам, лучшая. Похоже. Без изысков, но хотя бы просторная и с удобствами. Фролу нравится.

Санитар попался понятливый. Час почти Фролу объяснял как человеческой сетью пользоваться. Все-таки Ю Лиан ее создал. Надо при случае поинтересоваться, чем он всех купил.

Но сначала Мара. Наставница не поймет, если с кем-то до нее встречусь.

– Фрол. Пока я не вернусь, выставляй прочь всех, кто бы ни пытался войти. – Бросил Леант, поудобнее устраиваясь в кресле.

– Оно-то привычно, – Фрол облизнул губы, пытаясь дрожащей рукой направить в нужную точку курсор на экране, – А коли картинками движущимися пока полюбуюсь, не против будете?

Леант, позволяющее махнув рукой, закрыл глаза.

Парящая площадь. Парящая лесная поляна. Ни единой живой детали в холоде мрамора. Ни одной статичной в буйстве растительности. Вечность в каждой складке белоснежной тоги, в каждом кончике вьющихся волос мужчины в центре форума. Холодные неподвижные голубые глаза.

Жизнь и движение вышитых орнаментов нежно-голубого платья женщины в центре луга. И смерть, застывшая в угольных очах.

Границы соприкоснулись. Листья на колонне тут же устремились к мужчине, насыщаясь зеленым в стремительном броске. Стебли под ногами женщины каменеют в ответ. С треском рвутся к талии.

Оба отпрыгнули. Легко, будто никогда не слышали слово гравитация. Она удовлетворенно кивнула, ученик не размяк за годы затворничества. Он ответил изящным реверансом. Наставница обучала хорошо.

Передний край площади тает, приближая мужчину к краю поляны. Один шаг и мужчина ступил на мягкий травяной покров.

– Леант, – улыбка женщины источает заботу и нежность, – первое чему я тебя учила – не ступать в чужую реальность без необходимости.

– К тебе это не относится, Мара. И никогда не будет.

Нерахри присели на выросшие прямо из земли кресла.

– Все-таки решил прервать свое уединение, мальчик мой?

– Думал об этом в последнее время, а тут... – Леант задумчиво посмотрел вверх, – Мара, мне нужен совет.

– Совет и помощь. В любое время, Леант.

– Грегор. Все дело в нем.

– Знаю, он сейчас не в лучшем состоянии, мы пытаемся помочь, но...

– Он в Еглеопе, целый и невредимый. И перемещается не так, как мы все. Даже не как Фуго. Мгновенно и не напрягая ткань.

– Продолжай.

– Говорит, все ради того, чтобы насолить Тобиасу. Но у Грегора двойное дно всегда лишь для того, чтобы прикрыть третье.

– Чего он хочет от тебя?

– Разыграть представление. Создать четырехмерную воронку и закинуть в нее одно из его тел. Сказал, что выглядеть будет, будто я его спас.

– Что он еще говорил?

– Просил Риту присмотреть за какой-то девушкой, она знает за какой.

– Так вот куда делся ключ. И Рита была так спокойна... Что сам думаешь?

– У меня нет причин отказывать. Тем более, когда есть возможность посадить Тобиаса в лужу. Но они просят нарушить запрет, не особо вдаваясь в подробности.

Мара на минуту задумалась.

– А знаешь, Леант, я тебе тоже посоветую к ним прислушаться. Более того, я вас прикрою, и от слезки и от последствий. Грегор затеял хитрую партию, капелька трагичности не помешает.

Блиставшая когда-то великолепием парадная переживает не лучшие времена. Кованый барельеф над дверьми лифта не способен скрасить впечатление от таблички «не работает». Единственный витражный кусочек сиротливо переливается в окне третьего этажа, остальные давно заменены обычной серийкой. Запахи бездомных и животных навсегда въелись в стены и ступени, не убрать, сколько ни отмывай.

– Пошла вон, тупая шлюха, что бы ты понимала в искусстве.

Крик донесся сверху. Стремительная фурия, заставила Грегора прижаться к стене в широком, двухметровом пролете лестницы. Поднявшись этажом выше, он толкнул незапертую дверь.

Внутри обшарпанные стены коридора увешаны картинами безо всякой логики. Детские рисунки рядом с проработанными до последней детали пейзажами. Фотографичные портреты перемежаются замысловатой абстракцией. Раскрытая дверь дальней комнаты намекает на целостность в оформлении всех помещений.

– А тебе чего надо?

Мужчина за пятьдесят, крепкий, с залысиной во весь лоб и начавшей превращаться в бороду двухнедельной щетиной, явно не трезв.

– Не узнаешь меня, Базилевс?

Мужчина, прищурившись, внимательно осмотрел гостя.

– Почему я не чувствую тебя, Грегор?

– Не хочу афишировать свой визит. Нужно посоветоваться.

Немного поколебавшись, Базилевс жестом предложил гостю проследовать за собой.

Количество пустых бутылок на полу комнаты намекает на грандиозную вечеринку, прошедшую здесь недавно. Единственный стакан и скудная закуска на столе говорят об отсутствии на ней гостей.

– Пить будешь?

Грегор утвердительно кивнул, усаживаясь за низкий журнальный столик. Хозяин придвинул гостю стакан и, ловко освободив стручок болгарского перца от внутренностей, разлил остатки жидкости из бутылки. Один глоток, один глубокий вдох прижатого к лицу рукава тельника.

– Представляешь, – Базилевс пошарил под столиком в поисках нового снаряда, – была тут только что одна. Работу ей свою хотел продать. Знаешь, что она мне сказала? Это не произведение искусства. Я бы понял, если бы придралась к композиции, задумке, обвинила в плагиате. Технология исполнения ее не устраивает. Послойная полиграфическая печать не может быть картиной. Как будто их Мона Лиза выполнена по другой. Но одна висит в Лувре, а другая вовсе не искусство.

Сюжет полотна, занимающего весь угол комнаты, заставляет задуматься о душевном состоянии автора. Человек разрезающий собственное предплечье и вываливающиеся из раны шестеренки. Сжимающий тиски на своих пальцах, с обнаженными от плоти металлическими штырями кончиков, другой. Всяческий хлам, выпирающий из карманов ватника, единственного предмета одежды следующего персонажа. Все андрогинные, бесполое. Самолет разбившийся около нагромождения вещей, давно вышедших из употребления. Толи снег, толи белый радиоактивный пепел висит над землей, словно кто-то незримой колотушкой ударил по поверхности, заставив подняться субстанцию в воздух. Похоронная процессия, с завернутыми в газеты телами. Забой животных среди ликующей толпы.

– Если бы холст купили до моего прихода, я бы убил нового владельца, чтобы завладеть им. Все еще продаешь?

– Грегор, – вторая порция разговора разлита столь же профессионально, – ты же понимаешь, что не в деньгах дело. Нравится – забирай, Гений физики.

– Все еще страдаешь от поражения в нашей детской игре?

– Детской. . . Именно так я ее и воспринял, когда вы объявили борьбу за право называться Гением. Не хотел ведь участвовать, думал, уязвлю своих учеников победой в половине номинаций. А в итоге так ни в чем и не оказался лучшим.

– Ты всегда лучшим наставником. Единственным первым для всех.

– Угу. И когда поддержал двоих, нагадил в душу всем остальным.

Пауза в разговоре слегка затянулась, и Грегор придвинул свой стакан для следующей дозы медленного яда.

– Леант вернулся.

– Я почувствовал. Кажется, тебя ищет.

– Не совсем. Мы работаем над тем, чтобы исправить наши ошибки. В том числе и вашу с Тобиасом.

Базилевс осушил пасленовый стакан, часть содержимого протекла на подбородок.

– Посмотри вокруг, Грегор. Все уже давно исправлено. Города растут, люди множатся. Климат восстанавливается. А мои ошибки останутся со мной.

– Подобного не должно повториться. Ответственность лежит на всех, и мы все должны осознавать ее.

– Грегор. Вот как ты сумел заработать репутацию самого хитрого из нас, оставаясь при этом таким романтиком? Кто захочет отказаться от любимой игрушки, только потому, что другой называет его отношение к ней аморальным?

– Прямой запрет. И полный пересмотр отношения к Еглеопу. Это то, чего я хочу.

Базилевс откинулся в кресле, прикуривая сигарету без фильтра.

– Сколько голосов вы там собирали в лучшие времена? Тридцать? Сорок? Даже Мара, поддерживающая вас во всем, никогда не голосовала «за».

– Даже Мара. – Горькая усмешка искривила губы Грегора, – И даже Мара не осудила тогда Тобиаса. Как и никто из членов совета. У меня есть то, на что они не смогут закрыть глаза, я готов поставить на своего нового утрилла все, что у меня есть против твоей картины.

– Сколько их было, Грегор? Скольких вы представили собранию?

– Леант вернулся только из-за этой девушки. Я не уговаривал его. Откровенно говоря, даже не думал об его возвращении в тот момент.

– Леант. Я тогда сказал ему, что мандалы создают для того, чтобы стереть и приняться за новые. Ни злости, ни ярости, ни сожаления. Одна пустота в глазах. Я убил своего ученика. Выпил из него жизнь, этот вкус не перебить ничем.

– И все же, его глаза зажглись вновь. Помоги нам. Расскажи о золотой крови.

– Да это даже не моя область. – Базилевс пожал плечами. – Эяр всегда сам ими занимался.

– Я не могу сейчас обратиться к главе совета. Да и ни к кому другому тоже. – Грегор щелчком пальца отправил граненый стакан на противоположный край стола. – Времени у меня полно.

Спустя пару часов все менее связанного рассказа Базилевс клюнул носом в стол и захрапел. Несколько выдернутых волос, мазок за щекой, еще один в ушной раковине. Странная манера прощаться у Гения физики.

Десять километров пешком по тайге – не проблема. Пусть и не по родной. Зато не заблудишься, стартовый комплекс с любого открытого места видно. Хотя ей вряд ли ориентиры нужны, все карты в голове.

Неплохая она вообще-то эта Рита. Правда, на сутки заперла в своей лаборатории и смылась. Хорошо хоть еды оставила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.